

Прикладные разработки

А.Е. Кириллова

Проблема передачи актуального синтаксиса в практике перевода художественных текстов с японского языка

Цель данного исследования – найти языковые соответствия на уровне актуального синтаксиса для перевода художественных текстов с японского языка на русский. Анализ сделан на основе перевода рассказа «Кухня» Ёсимото Банана; осуществлен поиск эквивалентов для коммуникативных ситуаций, выраженных с помощью конструкций с «no da», эллипсиса, заключительных частиц «ne» и «yo», тематической частицы «wa».

Ключевые слова: актуальный синтаксис, переводные эквиваленты, японский язык, русский язык, художественный перевод.

Основоположителем теории о существовании двух уровней синтаксиса, или учения об актуальном членении предложения считается чешский ученый В. Матезиус¹; время создания теории – 20-30 годы XX века. «Актуальное членение предложения следует противопоставлять его формальному членению. Если формальное членение разлагает состав предложения на его грамматические элементы, то актуальное членение выясняет способ включения предложения в предметный контекст, на базе которого оно возникает. Основные элементы актуального членения предложения — это исходная точка или основа высказывания, то есть то, что является в данной ситуации известным или по крайней мере может быть легко понято и из чего исходит говорящий, и ядро высказывания, то есть то, что говорящий сообщает об исходной точке высказывания»². Видный отечественный ученый, специалист в области синтаксиса японского языка И.Ф. Вардунь предлагает следующую трактовку: «... в языке существует не один синтаксический уровень, а два и величины этих уровней изоморфны, но не совпадают ни по содержанию, ни по выражению»³. Объясняя это положение, ученый отмечает, что главное смысловое различие между приведенными уровнями в том, что

коммуникативные структуры содержат в себе цель, ради которой передается информация, выраженная номинативными структурами.

Актуальный синтаксис, на наш взгляд, играет важнейшую роль в создании неповторимого авторского стиля, однако, до сих пор этот лингвистический аспект не получал должного внимания. Действительно, на лексическом и морфологическом уровнях писатель (или поэт) редко использует свойственные только ему единицы, хотя исключения, безусловно, бывают. Синтаксис же, особенно его актуальная или коммуникативная составляющая предлагает большую свободу выбора. Тем не менее, данному вопросу при переводе уделяется меньше всего внимания, при том, что никем не оспаривается важнейшее значение актуального синтаксиса при выборе конкретного способа передачи информации, а в художественных текстах – мысли автора. Именно поэтому в рамках концепции функционально-эквивалентного перевода рассмотрение актуально-синтаксической проблематики имеет важное значение.

Начнем с разбора конструкций с «no da»⁴. В японском тексте данная конструкция играет роль подчеркивания значимости высказывания, кроме того, в зависимости от контекста у нее могут появляться дополнительные значения: выражения достоверности высказывания, выражения причины (а зачастую и следствия) приведенного выше факта⁵. Конструкции с «no da» способствуют созданию более тесных связей между отдельными предложениями – могут подводить итог сказанному в абзаце. Дополнительные значения концовки «no da» зачастую выражаются в тексте и лексически, поэтому при передаче актуально-синтаксического членения текста оригинала особое внимание, на наш взгляд, необходимо уделить тому, как передать более тесную связь соседних предложений, в противном случае их относительной независимости при отсутствии данной концовки, как подчеркнуть значимость высказывания. Разберем, какие решения предлагаются в переводе⁶.

В начале повествования главная героиня (ее зовут Микагэ) рассказывает, почему она последнее время жила только с бабушкой:

(1) 私、桜井みかげの両親は、そろって若死にしている。そこで祖父母が私を育ててくれた。中学校へ上がる頃、祖父が死んだ。そして祖母と二人でずっとやってきたのだ。(Kicchin, c. 10)

Watashi, Sakurai Mikage no ryo:shin wa, sorotte wakajini shite iru. Soko de sofubo ga watashi o sodatete kureta. Chu:gakko: e agaru koro, sofu ga shinde shimatta. Soshite sobo to futari de zutto yatte kita **no da**.

«Меня зовут Сакураи Микагэ. Мои родители умерли молодыми, и воспитывали меня дедушка с бабушкой. Как только я поступила в среднюю школу, умер дед. С тех пор я постоянно жила только с бабушкой». (Кухня, с. 7)

Конструкция с «no da» используется в конце абзаца, в котором сначала сообщаются некие факты, а потом и общий итог. С одной стороны, обстоятельство времени «с тех пор» способствует созданию более тесных связей между самостоятельными предложениями абзаца и в целом передает значение итога. Однако оба этих значения, а еще и подчеркивание значимости высказывания, по-видимому, могут быть выражены более четко, например: «Вот так мы и оказались с бабушкой вдвоем». У автора перевода обстоятельство времени «с тех пор» скорее лексический эквивалент «soshite», оно не служит для передачи актуального членения текста; обстоятельство «как только» также указывает на последовательность событий, поэтому возможность выразить с помощью «с тех пор» итог, обобщение сказанного в абзаце уменьшается. Предложенный нами вариант с обстоятельством образа действия «вот так» позволяет и придать последнему предложению ярко выраженную роль обобщения сказанного в абзаце, и подчеркнуть значимость высказывания.

Рассмотрим пример, когда в повествование вводится новое действующее лицо:

(2) 田辺、雄一。その名を、祖母からいつ聞いたのかを思い出すのに
かなりかかったから、混乱していたのだろう。(Kicchin, c. 14)

Tanabe Yu:ichi. Sono na o, sobo kara itsu kiita no ka o omoidasu no ni kanari kakatta kara, konran shite ita **no daro**.

«Танабэ... Юити... Я вспомнила, что когда-то слышала это имя от бабушки, и растерялась». (Кухня, с. 8)

В переводе не нашло отражение значение конструкции с «no daro»: – вариант «no da» в форме предположительного наклонения. Конструкция с «no da» в конце абзаца, как нам представляется, не только усиливает контекстные связи предшествующих предложений абзаца, но и одновременно отделяет их от последующего повествования. Использование такого структурного элемента текста как абзац само по себе задает некую паузу, которая подчеркивается концовкой «no da». В приведенном выше переводе эта пауза не выдержана. Наш вариант перевода: «Танабэ Юити. Долго же я вспоминала, когда слышала это имя от бабушки – видимо, голова действительно не в порядке». Передать особенности актуального членения (и итог, и выделение) текста оригинала в данном случае помогает тире. Для текстов на русском языке тире вообще – привычный элемент. Выскажем предположение, что особенности актуального членения японского текста, приносимые конструкцией «no da», когда она, в частности, служит для объяснения причины или следствия, в русском можно передавать с помощью тире. Хотя,

безусловно, возможности использования последнего определяются правилами языка перевода.

Рассмотрим еще примеры того, как в тексте перевода передано актуальное членение. Главная героиня, от лица которой ведется повествование, дает описание внешности Танабэ Юити, делится впечатлениями от его личности, и заканчивает описание фразой:

(3) つまり彼はその程度の知り合いにすぎない、赤の他人だったのだ。
(Kicchin, c. 14)

Tsumari kare wa sono teido no shiriai ni suginai, akanotanin datta **no da**.

«Впрочем, мы никогда не были с ним близки, он оставался для меня чужаком». (Кухня, с. 8)

Вводное слово «впрочем» вносит смысл противопоставления, которого нет в оригинале. Для передачи обобщающего значения скорее подойдет «короче говоря» (в том числе и как лексический эквивалент «tsumari»), а для подчеркивания, выделения высказывания попробуем снова использовать тире: «Короче говоря, мы были едва знакомы – просто чужаки».

(4) 私は、正直言って、呼ばれたから田辺家に向かっていただけだった。な—んにも、考えてはいなかったのだ。(Kicchin, c. 15)

Watashi wa, sho:jiki itte, yobareta kara Tanabeke ni mukatte ita dake datta. Na:nnimo, kangaete wa inakatta **no da**.

«По правде говоря, я пошла туда только потому, что меня пригласила семья Танабэ. Я даже не знала зачем». (Кухня, с. 9)

Кроме конструкции с «no da» эмоциональное подчеркивание в последнем предложении приведенного отрезка оригинала достигается благодаря эмфатическому удлинению гласного и согласного в местоимении «nanimo» – «na:nnimo». В переводе не всегда отражается результат поиска того, как передать функции «no da». Мы предлагаем в данном случае объединить два предложения в одно: считаем такое объединение возможным, так как «no da» способствует более тесной связи рассматриваемого предложения с предыдущим. «Сказать по правде, я шла туда просто потому что меня позвали – ни о чем особо и думать не думала». Тире, на наш взгляд, поможет обособить или выделить ту часть предложения, которая выделена в оригинале, оно может служить для выражения причины или подведения итогов.

(5) しかし、私は台所を信じた。それに、似ていないこの親子のは共通点があった。笑った顔が神仏みたいに輝くのだ。私は、そこがとてもいいと思っていたのだ。(Kicchin, c. 23)

Shikashi, watashi wa daidokoro o shinjita. Soreni, nite inai kono oyako ni wa kyo:tsu:ten ga atta. Waratta kao ga shinbutsu mitai ni kagayaku **no da**. Watashi wa, soko ga totemo ii to omotte ita **no da**.

«Но я доверяла кухне. При всей непохожести матери и сына в них было что-то общее. Когда они улыбались, их лица напоминали улыбающегося Будду. И меня это радовало». (Кухня, с. 14)

Перед нами эмоционально насыщенный отрезок текста оригинала. Конструкции с «no da» используются в двух предложениях подряд. В первом предложении «no da», кроме выделения, несет функцию разъяснения: раскрывается, что именно подразумевается под схожими чертами таких разных матери и сына. Наличие смыслового оттенка разъяснения, а также функция «no da», заключающаяся в указании на тесную связь соседних предложений, дает основание объединить два отдельных предложения оригинала в одно. «При всей непохожести матери и сына в них было что-то общее: когда они улыбались, их лица светились, как у Будды». Следующее предложение тесно связано с предшествующим контекстом. Чтобы привлечь внимания читателя, передать дополнительное выделение (в оригинале это сделано с помощью «no da») в авторском переводе оно соединяется с предыдущим союзом «и»: «И меня это радовало». Считаем это удачным вариантом.

Необходимо отметить, что разбираемая конструкция характерна для устной речи, где она используется в том числе в усеченной форме: «n da», «n daro:». Рассмотрим некоторые примеры.

(6) 今まで、片目をつぶって世の中を見てたんだわ、と私は、思う。
(Kicchin, с. 17)

Ima made, katame o tsubutte yo no naka o mite ta **n da** wa, to watashi wa, omou.

«Мне показалось, что до сих пор я смотрела на мир только одним глазом». (Кухня, с. 11)

В приведенном отрезке текста «n da» прежде всего усиливает эмоциональную окраску высказывания. Кроме того, «n da» добавляет фразе оттенок уверенности, как определяют это некоторые лингвисты: «no da» выступает в качестве элемента, подчеркивающего достоверность высказывания⁷. В данном случае все менее категорично – выражена скорее только уверенность главной героини в истинности собственной мысли. От перевода мы ждем такой же эмоциональной насыщенности и подчеркнутой уверенности. Однако, в переводе представлено скорее эмоционально нейтральное предложение, а сочетание «мне показалось», как раз наоборот, снижает степень уверенности. Предложим другой вариант: «Получается, до этого самого момента я смотрела на мир, прикрыв один глаз, – поду-

малось мне». Актуально-синтаксическое членение текста оригинала мы попытались передать с помощью лексических средств: вводное слово «получается» передает уверенность героини в справедливости своей мысли, и представляет эту мысль как открытие; обстоятельство времени «до этого самого момента» несколько усиливает степень нейтрального «*ima made*» – «до сих пор» – в оригинале и способствует повышению эмоциональной насыщенности предложения, что в японском тексте сделано за счет использования «*n da*». Еще один интересный пример схожего употребления конструкции с «*n da*» – Юити уговаривает Микагэ пожить у них некоторое время и говорит:

(7) あそこ、出なきやいけないいんでしょう？もう。(Kicchin, c. 18)

Asoko, denakya ikenai **n desho**? Мо:.

«Почему бы тебе не переехать сюда?». (Кухня, с. 11)

Перевод далек от оригинала, поэтому предложим свой вариант: «**Ведь** оттуда же нужно уезжать? Уже». Важным, распространенным средством выделения высказывания в русском языке, особенно в устной речи, являются разнообразные использованные в переводе частицы, в том числе, «ведь» и «же». Вообще, по нашим наблюдениям, в японском языке для живой разговорной речи характерно частое использование конструкций с «*n da*», так же как для русского языка естественно частое использование выделительных частиц.

В приведенном выше отрезке текста используется еще одно важное средство актуального членения текста – эллипсис. Рассмотрим особенности перевода эллиптических конструкций. Использование эллипсиса характерно прежде всего для устной речи, разберем эти конструкции на примере диалогов из текста рассказа. Считаем возможным выделить в них два основных случая использования эллипсиса. Первый (назовем его разъясняющим, уточняющим) состоит в том, что говорящий после сообщения, которое интонационно оформлено как законченное предложение, понимает, что некоторые опущенные, подразумеваемые им элементы на самом деле могут быть непонятны слушающему, то есть, могут возникнуть сложности с пониманием, интерпретацией текста. Тогда говорящий добавляет, уточняет недостающую информацию, опуская уже переданную – так возникает эллипсис. Это можно интерпретировать как компенсацию коммуникативной ошибки. Говорящий может исправить ее сам или отвечая на вопрос собеседника. Приведем пример:

(8) 「どこで判断するタイプ？」 「なにを？」 「家と住人の好みを。」
(Kicchin, c. 16)

– Doko de handan suru taipu? – Nani o? – **Ie to ju:nin no konomi o.**

«На чем ты строишь свои суждения? – Что ты имеешь в виду?

– Дом и вкусы его жильцов». (Кухня, с. 10)

Перед нами пример коммуникации, при которой собеседник не может ответить на вопрос, так как не понял его. В русском языке эллипсис также часто используется при уточнении, поэтому, как в приведенном примере, можно передать актуальное членение, сохранив эллиптическую конструкцию, хотя, безусловно, возможность передачи эллипсиса эллипсисом же зависит от контекста. Вариант перевода представляется нам неподходящим с лексической точки зрения для передачи разговора двух подростков, поэтому предложим свой вариант: «– Как ты решаешь? – Что? – Что за дом, что за люди?». Таким образом, эллиптическую конструкцию японского текста можно сохранить в русском переводе.

Второй распространенный случай (назовем его выделительным) – не компенсация недостающей информации, а использование эллипсиса для выделения определенного элемента высказывания. К такому способу считаем возможным отнести уже использованный выше пример № 7, для которого мы предложили такой вариант перевода: «Ведь оттуда же нужно уезжать? Уже». Юити убеждает Мигакаэ остаться жить у него дома и приводит важный аргумент – ей нужно уезжать из квартиры, где она сейчас живет, потому что она не может платить высокую арендную плату. Главная информация, чтобы акцентировать на ней внимание, вынесена за пределы основной коммуникации: это обстоятельство образа действия, выраженное наречием «уже» – уже сейчас, как можно быстрее нужно уезжать, а быстро найти новое место Микагэ сложно. Авторский перевод, на наш взгляд, далек от оригинала: «Почему бы тебе не переехать сюда?». В нем не передано актуально-синтаксическое членение оригинала, созданное за счет эллиптической конструкции, которую можно передать эллипсисом же.

Рассмотрим еще один пример использования эллипсиса для решения коммуникативной задачи выделения определенного члена высказывания:

(9) ぼくを育ててくれたんだ。女手ひとつでって言うの? これも。
(Kicchin, с. 23)

Boku o sodatete kureta n da. Onnade hitotsu de tte iu no? **Kore mo.**

«Меня она воспитывала как одинокая женщина». (Кухня, с. 14)

Юити рассказывает, что его вырастила «мама», которая на самом деле «папа» (была папой до операции по смене пола), поэтому у него возникают сомнения, можно ли про этот случай сказать «onnade hitotsu de» – «мать-одиночка». Эллиптическая конструкция «kore

мо?» используется, чтобы подчеркнуть сомнение в возможности такого словоупотребления, чтобы придать высказыванию ироничный оттенок. В переводе изменена коммуникативная структура, и смысловой оттенок сомнения, и ирония оказались потеряны. Предложим другой вариант с эллиптической конструкцией: «И вырастила меня. Интересно, а можно сказать «как мать-одиночка»? В моем случае». Он, на наш взгляд, передает содержание оригинала точнее.

(10) それ、その健全さがとても好きで、あこがれで、それにとってもついていけない自分をいやになりそうだったのだ。昔は。(Kicchin, c. 38)

Sore, sono kenzensa ga totemo suki de, akogare de, sore ni tottemo tsuite ikenai jibun o iya ni nariso: datta no da. **Mukashi wa.**

«Мне нравилась его прямолинейность, но при этом я не могла ее принять, за что себя ненавидела. В те давние времена». (Кухня, с. 24)

Микагэ встречает своего бывшего молодого человека и снова видит в нем те черты, которые так ей нравились и которых так не хватало ей самой, но их отношения – это только воспоминания – они в прошлом. Микагэ как будто напоминает самой себе об этом. В переводе на этот раз использован эллипсис. Считаем, что и в лексическом («mukashi» не обязательно указывает на «давние времена», зачастую может иметь значение просто «раньше») и в интонационном плане («mukashi wa» – резко, отрывисто; Микагэ как будто одергивает себя, возвращает в реальность: стоп, это в прошлом. «В те давние времена» интонационно воспринимается скорее как размышление, как продолжение воспоминаний) при воспроизведении эллиптической конструкции для «mukashi» больше подошел бы лексический эквивалент «тогда»: «Вот оно, эта прямота так нравилась мне, так привлекала, для меня совершенно недостижимая, почему и бывала недовольна собой. Тогда».

Кроме непосредственно разъяснения, уточнения или выделительной функции, связанных с коммуникативными заданиями, рассмотренными выше, эллиптические конструкции могут быть использованы при передаче дополнительной информации, что тоже характерно для устного общения. В художественных произведениях эллипсис – частая характеристика неподготовленной устной речи. Например, в следующем отрезке текста:

(11) 最近気づいたが、この家の人は買い物に病的に好きなのだ。それも、大きい買い物。主に電化製品ね。(Kicchin, c. 39)

Saikin kizuita ga, kono ie no hito wa kaimono ga byo:teki ni sukina no da. **Sore mo, o:kii kaimono. Omoni denkaseihin ne.**

«В последнее время до меня дошло, что жильцы этого дома одержимы болезненной страстью к покупкам. К покупкам крупных вещей. В основном электроники». (Кухня, с. 25)

В переводе эллипсис сохранен.

Разобранные выше отрезки текста с эллиптическими конструкциями не требовали значительных усилий при поиске переводных лексических эквивалентов. Пока что, нам удавалось передать коммуникативные особенности текста оригинала, не прибегая к введению дополнительных лексических единиц. Однако, безусловно, встречаются и такие случаи, когда ради сохранения актуального членения, общей коммуникативной задачи высказывания в переводном тексте приходится использовать дополнительные лексические средства.

(12) 私は自分の立場を棚に上げて、瞬間、彼に対して反感を持ってしまった。それくらい、わかっていないようだった。彼という人は。(Kicchin, c. 40)

Watashi wa jibun no tachiba o tana ni agete, shunkan, kare ni taishite hankan o motte shimatta. Sore kurai, wakatte inai yo: datta. **Kare to iu hito wa.**

«В тот момент я испытывала к нему неприязнь из-за своего завистимого положения. Видимо, ему это было непонятно». (Кухня, с. 26)

В данном случае коммуникативное задание – дополнительное выделение тематической части «kare to iu hito wa». Кроме эллиптической конструкции дополнительному выделению служит и сочетание «kare to iu hito». В разбираемом переводе никакого акцента на тематическое подлежащее не сделано – эмоциональная насыщенность теряется. Если нет возможности сохранить эллипсис, полагаем, необходимо найти другие средства передачи коммуникативного задания. Например: «Похоже, совсем не понимал. Он не понимал». С помощью повторения глагольного сказуемого «не понимал» удастся сохранить акцент на местоименном подлежащем «он».

Эллиптические конструкции могут задавать особый ритм повествования, способствовать созданию особого настроения:

(13) ... ぼんやりと考えていた、つもりだった。バスに揺られながら、空のかなたに去ってゆく小さい飛行船を目でなんとなくまだ追いかけている。 (Kicchin, c. 49-50)

bonyari to kangaete ita, tsumori datta. Basu ni yurare nagara, sora no kanata ni satte yuku chiisai hiko:sen o me de nantonaku mada oikake nagara.

«Мне хотелось размышлять ... бесстрастно, отстраненно, по наитию. Покачиваясь в автобусе, я все еще не отрывала глаз от парящего в небе маленького дирижабля». (Кухня, с. 31)

Повтор «... nagara ... nagara» во втором предложении передает протяженность действия, созерцательное настроение, в конце абзаца создает паузу в повествовании. Автор перевода отказывается и

от использования эллиптической конструкции, и от передачи обеих глагольных форм с «*na gara*» формой деепричастия в русском языке, к тому же данный абзац объединен со следующим, что лишает повествование паузы. Безусловно, при переводе художественного произведения часто возникают ситуации, когда крайне трудно передать коммуникативные или стилистические особенности оригинального текста. Именно поэтому, когда решение задачи не представляется столь уж сложным (на практике для каждого степень сложности является субъективным фактором), это необходимо отразить. Приведенный выше отрезок можно перевести, сохранив коммуникативную задачу, настроение, интонацию, паузу в повествовании, например, так: «покачиваясь в автобусе, не отводя глаз от маленького дирижабля, уплывающего вдаль...» благодаря единообразной передаче форм с «*na gara*» формами деепричастий «*yurera na gara*» – «покачиваясь», «*oikake na gara*» – «не отводя глаз», и за счет оформления предложения многоточием.

Разберем теперь некоторые случаи употребления заключительных частиц «*yo*» и «*ne*». «К сказуемому могут «приклеиваться» короткие по звучанию, но эмоционально яркие частицы, которые придают всему высказыванию модальную или экспрессивную окраску самых разных оттенков»⁸. Частицу «*yo*» относят к частицам, усиливающим категоричность высказывания, «с сильным побудительно-эмотивным значением, адресуемым собеседнику; в повествовательных предложениях нейтрального характера частица «*yo*» используется для выражения уверенности говорящего в сообщаемом, категоричности суждения»⁹. Частицу «*ne*» относят к контактоустанавливающим, «ее значение состоит в указании на то, что высказывание имеет ярко выраженный апеллятивный характер»¹⁰. Заключительные (несмотря на наименование не всегда встречаются в абсолютном конце предложения) частицы выражают отношение говорящего к высказыванию, добавляют эмоциональную окраску, определяя коммуникативную задачу высказывания. В русском языке прямых переводных эквивалентов не существует, что усложняет задачу поиска адекватных способов передачи особенностей японского оригинала.

Роль частицы «*ne*» в тексте можно сопоставить с ролью тематической частицы. Именно она в разговорной речи часто используется не в конце предложения, а после тематической части, в том числе, после тематической частицы «*wa*»:

(14) さっきのえりさんはね、この写真の母の家に小さい頃、なにかの事情で引き取られて、ずっと一緒に育ったそうだ。(Kicchin, c. 22)

Sakki no Eriko san wa ne, kono shashin no haha no ie ni chiisai koro, nani ka no jijo: de hikitorarete, zutto issho ni sodatta so: da¹¹.

«По неизвестной причине, когда Эрико был ребенком, его усыновили в доме этой женщины, что на фотографии. Они росли вместе». (Кухня, с. 14)

Частица «не» при использовании внутри предложения позволяет сделать паузу в повествовании, что удобно и слушающему – для него дополнительно обозначается уже известная информация, и говорящему – ему легче выстроить фразу. На основе собственных наблюдений за устной речью японцев, отметим, что употребление частицы «не» очень характерно для детской речи и эмоциональных диалогов – она может употребляться почти после каждого слова: «アタシね、昨日ね、学校でね... (Atashi ne, kino: ne, gakko: de ne...)». Ее можно описать как омоним заключительной частицы «не», это, так называемое, «слово-паразит», для которого вариантом перевода на русский язык могут быть такие же слова-паразиты, вроде «э-э...», «ну...». Однако, не всегда «э» или «ну» представляются лучшими переводными эквивалентами для незаключительного «не». Если интерпретировать «внутреннее не» как один из способов оформления темы, то интересным вариантом перевода может быть конструкция с избыточным местоимением, повторяющим тематическую часть. Речь идет о высказываниях построенных следующей образом: «Наша школа, она большая», «Мама, она не согласна». В русском языке способом дополнительного выделения темы является пауза в повествовании, вызванная тем, что сложно сразу «красиво» выстроить предложение. И хотя при анализе устной речи трудно говорить о языковой норме, избыточное местоимение, как и частое употребление частицы «не» внутри предложения нельзя отнести к средствам, украшающим речь. Несмотря на это, считаем возможным использовать такие конструкции, такие средства создания определенного актуального членения текста при художественном переводе, чтобы отразить коммуникативные особенности предложений, где тема дополнительно выделена частицей «не». Рассмотрев авторский перевод, можно сказать, что актуально-синтаксическая составляющая не отражена. В нашем варианте использован описанный выше прием выделения тематической части: «Этот Эрико, его почему-то еще маленьким взяли на воспитание в дом этой женщины на фотографии – мамы, и они росли вместе».

Когда частица «не» присутствует в конце предложения, она может выражать отношение к собственному высказыванию, а также быть реакцией на высказывание собеседника. И в том, и в другом случае «не» адресовано собеседнику и в первом случае означает: «как вы знаете..., как я уже говорил..., с чем, конечно, вы согласитесь», а во втором – «конечно, я согласен..., я вас понимаю». В одном из разоб-

ранних выше примеров с эллиптической конструкцией (см. пример № 11) «не» выражает отношение к собственному высказыванию (это слова Микагэ, от лица которой ведется повествование). В последней фразе Микагэ «*omoni denkiseihin ne*» в диалоге с читателем как будто содержится мысль: «Как вы уже и сами успели заметить, в основном это электроника». В переводе эта коммуникативная задача не передана. Мы предлагаем передать эту роль частицы «не» с помощью вводного слова «да», выражающего согласие с собеседником: «... покупкам крупных вещей. В основном электроники, да». Вряд ли такой вариант можно считать универсальным способом перевода частицы «не», так как вводное слово «да» обладает выраженным лексическим значением, однако в некоторых случаях такой вариант перевода возможен.

Использование вводного слова «да» еще более уместно при передаче роли «не» в предложениях, выражающих отношение говорящего к высказыванию собеседника.

(15) す、すごい生涯ね。(Kicchin, с. 23)

Su, sugoi sho:gai ne

«Какая странная жизнь!» (Кухня, с. 14), –

говорит Микагэ, выслушав невероятный рассказ о судьбе Эрико. В самом рассказе высказано отношение к жизни Эрико, как к чему-то странному, и Микагэ соглашается: «действительно удивительная судьба». В переводе находим: «Какая странная жизнь!». Возможен и наш вариант с вводным словом: «Да, вот это жизнь!».

Другая заключительная частица «*yo*» может быть соотнесена, наоборот, с рематической частью высказывания. С ее помощью говорящий обращает внимание собеседника на некую новую информацию, или, даже если информация не является новой, на ту, которой ранее собеседник не уделил должного внимания. Частица «*yo*» может использоваться как заключительный элемент в высказываниях, передающих неожиданную для собеседника информацию, которой он может не поверить, при этом «*yo*» подчеркивает достоверность информации, содержащейся в высказывании. Большую эмоциональную нагрузку высказыванию на письме может придать последующий восклицательный знак. Употребление последнего – наиболее очевидный способ передачи частицы «*yo*» в письменном переводе на русский язык. Разберем конкретные примеры.

(16) しかもさあ、わかった？あの人、男なんだよ。(Kicchin, с. 21)

Shikamo saa, wakatta? Ano hito, otoko nan da yo

«И это еще не все. Ты не поняла. Она – мужчина» (Кухня, с. 13), –

говорит Юити о своей нынешней маме (бывшем папе). В данном переводе, на наш взгляд, теряется эмоциональная насыщенность – присутствует просто спокойное сообщение фактов. Добавление восклицательного знака функционально приблизит перевод к оригиналу: «Вообще ты поняла? Это мужчина!».

Такой диалог состоялся между Микагэ и ее бывшим молодым человеком:

(17) だって二人で住んでるんでしょ？お母さんも住んでるのよ。
(Kicchin, c. 36)

Da tte futari de sunde ru n desho? – Okaasan mo sunde ru no yo.

«Но ты же живешь с ним? – Но его мать тоже живет там». (Кухня, с. 23)

То, что мама живет вместе с ними, – новая и неожиданная для собеседника информация. В авторском переводе не передана эмоциональная насыщенность и не подчеркнута новизна информации. «– Но вы ведь живете вдвоем? – Нет, его мама тоже там!». Как уже было отмечено, для японского разговорного языка характерно частое использование заключительных частиц – «не», как и «уо», могут использоваться в нескольких предложениях подряд. Очевидно, что переизбыток вводных слов типа «да», «нет» и восклицательных знаков не украсит перевод. Необходимо воссоздавать актуально-синтаксическое членение текста и другими средствами, учитывая, что высказывания с частицей «не» можно сопоставить с тематической частью, а с частицей «уо» с рематической.

Сравним два сходных по содержанию предложения, оформленных разными заключительными частицами. Диалог Эрико (мамы-папы Юити – знакомого главной героини Микагэ, у которого она временно поселилась) и Микагэ о Юити:

(18) 「あの子は、やさしい子なのよ」。「ええ、わかります」。「あなたもやさしい子ね」。(Kicchin, c. 29)

Ano ko wa, yasashii ko na no yo. – Ee, wakarimasu. – Anata mo yasashii ko ne.

«И из него вышел славный ребенок. – Я с вами¹² согласна. – Ты тоже славный ребенок». (Кухня, с. 19)

В первом предложении Эрико настаивает на том, что Юити добрый, хороший человек. Это подано как новая информация, стремление Эрико убедить Микагэ в том, что это правда. Во втором же предложении Эрико говорит, что и Микагэ добрая и хорошая, но эта информация подается как что-то само собой разумеющееся, как констатация очевидного и всем известного. Считаем, что приведенный отрезок японского текста имеет важное значение для повествова-

ния, поэтому коммуникативное задание может быть выражено более наглядно, в том числе, за счет использования лексических средств: «Он хороший, поверь мне! – Да, я знаю. – И ты хорошая, конечно».

Разберем возможности передачи в русском языке тематической части, выделенной с помощью частицы «wa».

(19) 葬式がすんでから三日は、ぼうっとしていた。(Kicchin, с. 10)

So:shiki ga sunde kara mikka wa, bo: tto shite ita.

«Три дня после похорон я жила как в тумане». (Кухня, с. 7)

В данном отрезке текста темой является обстоятельство времени. Тематизация предполагает отношение к данной части высказывания как к известной информации. Вообще при переводе на русский язык постановки обстоятельства в начало предложения уже достаточно, чтобы соотнести его с тематической частью (сравним с вариантом с обратным порядком слов: «Я жила как в тумане три дня после похорон», где обстоятельство времени «три дня» перешло в рематическую часть). Однако, в некоторых случаях можно или даже нужно использовать лексические средства выделения тематической части. Например, приведенный выше отрезок текста можно передать так: «Эти три дня после похорон, они прошли как в тумане». Указательное местоимение «эти» дополнительно подчеркивает, что передаваемая информация не нова, к тому же использована и конструкция с избыточным местоимением «три дня, они» для дополнительного выделения тематической части.

(20) 目の前の闇には、魔がさす時いつもそうのように、一本道が見えた。(Kicchin, с. 13)

Me no mae no yami ni wa, ma ga sasu toki itsumo so:na yo: ni, iponmichi ga mieta.

«Как это всегда бывает в случае одержимости бесами, я увидела во мраке перед глазами прямую дорогу». (Кухня, с. 8)

В японском предложении темой является обстоятельство места, оформленное тематической частицей «wa», причем между ним и ремой находится вводная конструкция «ma ga sasu toki itsumo so:na yo: ni». Порядок слов в переводе такой: вводная конструкция, вынесенная в начало предложения передана придаточным предложением в составе сложноподчиненного. При этом коммуникативно она берет на себя функцию тематической части. Мы видим, что и на уровне потенциального синтаксиса, и на уровне актуального синтаксиса структуры предложения и высказывания изменены, возможно, в стремлении к большей естественности русского текста. Считаем, однако, что коммуникативную структуру можно передать, например, так: «Во мраке, а когда ты в смятении, так всегда и бывает,

показалась дорога». Оставив обстоятельство места в начале предложения и отделив его вводной конструкцией, мы подчеркнули его тематическую роль. Важно понимать, что за счет выделения, большего обособления темы оказывается более выделенной и рема, и это важно – ведь новая информация, основное содержание, которое мы хотим передать собеседнику, на что хотим обратить его внимание, как раз содержится в рематической части. В нашем варианте рема «показалась дорога» приобретает большую смысловую и эмоциональную нагрузку, что приближает перевод к тексту оригинала.

Сложными для перевода часто признаются простые нераспространенные предложения, потому что их содержание необходимо передать с помощью такого же минимума средств. Это можно продемонстрировать на примере:

(21) 夜は雨だった。(Kicchin, с. 14)

Yoru wa ame datta.

«Ночью пошел дождь». (Кухня, с. 9)

Предельно лаконичное предложение напоминает пример использования тематической частицы из учебника японского языка. Но в этой простоте своя сложность. Буквальный перевод разбираемого предложения: «Ночь – дождь был». В авторском переводе коммуникативно расчлененное предложение оригинала – «yoru wa» – тематическая часть, а «ame datta» – рема – превращается в коммуникативно нерасчлененное – содержит только рематическую часть, в основном за счет выбора глагола совершенного вида «пошел (дождь)», выражающего результат, как переводной эквивалент бытийной конструкции «ame datta», выражающей состояние. Даже вариант «ночью шел дождь» был бы ближе тексту оригинала: обстоятельство «ночью» можно было бы рассматривать как тематическое. На наш взгляд, лучший вариант для передачи и коммуникативной структуры оригинала и его лексической лаконичности такой «Ночью дождь был». Такой вариант близок приведенному выше буквальному переводу, что, однако, не лишает его естественности – особенно в условиях художественного повествования от первого лица – и, наоборот, способствует созданию эффекта непринужденного диалога с читателем. Порядок слов позволяет разделить тематическую «ночью» и рематическую «дождь был» части четче, чем в высказывании «ночью был дождь».

Разберем использование тематической частицы «wa» в разобранном ранее примере № 4 с концовкой «no da». Здесь частица «wa» отделяет смысловую «kangaete» от формообразующей «inakatta» части глагольного сказуемого. В выделении смысловой части и состоит коммуникативная задача. В авторском переводе за счет исполь-

зования усилительной частицы «даже» в некоторой мере удается передать повышенную эмоциональность предложения оригинала, однако, на наш взгляд, этого мало. В русском языке существует и такой эффективный прием: для перевода сказуемого, в котором тематической частицей разорваны смысловая и формообразующие части, типа «kangaete wa inakatta», можно использовать лексический повтор: «думать не думала». Заметим, что такой переводной эквивалент может претендовать на универсальность, хотя, безусловно, возможность его использования зависит от контекста. «Сказать по правде, я шла туда просто потому что меня позвали – ни о чем особо и думать не думала».

Одна из важнейших проблем передачи коммуникативного задания, поставленного в тексте оригинала, – это перевод предложений с ложными членами.

(22) そうして、ドアがガチャガチャと開いて、ものすごい美人が息せききって走り込んできたのは、その時だった。(Kicchin, c. 18)

So:shite, doa ga gachagacha to hiraite, monosugoi bijin ga ikiseki kitte hashiri konde kita no wa, sono toki data.

«И тут раздалось лязганье ключей, дверь открылась, и в комнату, запыхавшись, вбежала очень красивая женщина». (Кухня, с. 11)

В тексте оригинала ложное подлежащее («monosugoi bijin ga ikiseki kitte hashiri konde kita no wa») выражено совокупностью членов – передает значение группы сказуемого, а ложное сказуемое («sono toki datta») – обстоятельством времени. Обратим внимание на то, что ложное сказуемое – рематическая часть – выражает уже явно известную читателю информацию, и, наоборот, – в тематической части, оформленной тематической частицей, содержится, очевидно, новая информация о появлении очень красивой женщины. В переводе как раз использован порядок слов при котором обстоятельство «и тут» (ложное сказуемое, представляющее в оригинале рематическую часть) находится в начале предложения и представляет тематическую часть. Возможно, в тексте оригинала перенос известной информации в рематическую часть использован для создания эффекта воспоминаний. На самом деле вся информация, содержащаяся в повествовании (во всем рассказе) уже известна рассказчику, поэтому могут происходить некоторые «сбои» коммуникативной структуры (намеренно используемые автором). Рассказчик может ошибочно воспринимать самые яркие, особенно хорошо запомнившиеся ему моменты, как уже известные собеседнику. Ситуацию воспоминаний можно описать так: «да-да, и первый раз я увидела эту красивую женщину именно тогда». Предложим собственный вариант перевода, где обстоятельство времени находится в конце предложения,

что позволяет соотнести его с рематической частью как и в оригинале. «Со скрипом открывается дверь, и в дом запыхавшись вбегают невероятно красивая женщина – как раз тогда это и произошло» (когда, как сказано в предыдущем предложении, Микагэ расчувствовавшись от слов Юити чуть не расплакалась). Приведенный отрезок текста – один из самых важных моментов повествования, один из его эмоциональных пиков – тема папы Юити, ставшего мамой после пластической операции – ключевая тема рассказа. Поэтому в оригинале использована конструкция с ложными членами, и в переводе на русский язык необходимо отразить эмоциональную насыщенность разбираемого отрезка текста. То есть, в данном случае важно не только передать актуально-синтаксическое членение отдельного предложения, а передать его значимость в контексте всего повествования.

Как свидетельствует наш анализ, далеко не всегда переводчики стремятся к точному воспроизведению коммуникативных особенностей отдельных предложений текста оригинала. Адекватная передача актуального членения при переводе художественных текстов с японского языка на русский затрудняется тем, что эти языки относятся к разным группам по значимости категории топики для построения предложения. Зачастую, как было продемонстрировано в нашем разборе конкретных примеров, для передачи коммуникативных особенностей высказывания приходится жертвовать другими его аспектами. Считаем при этом необходимым, по возможности без искажения или потери других аспектов, стремиться к передаче коммуникативных характеристик текста оригинала. На основе разбора рассказа «Кухня» мы выяснили, как именно расставлены смысловые акценты, как подана информация, содержащаяся в предложениях, каков уровень эмоционального напряжения. Неподражаемый авторский стиль создается, в том числе, с помощью особого коммуникативного рисунка текста, и, если коммуникативные характеристики оригинала не переданы, перевод теряет. В работе показано, что, несмотря на очевидное отсутствие изоморфизма средств передачи актуального членения для разных языков, эта задача выполнима.

Примечания

- ¹ Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок: Сб. статей. М., 1967. С. 239–245.
- ² Там же, с. 239
- ³ Вардоль И.Ф. Очерки потенциального синтаксиса японского языка. М., 1964. С. 3

- ⁴ *No da* – это номинализатор со связкой, который может иметь различные формы, например, адресивную форму *no desu*, усеченную форму *n da*, форму с показателями модального значения *no daro*: или *n desho*.
- ⁵ Басс И.И. Проблемы современного японского языкознания. Лингвистика текста. М., 2004
- ⁶ Здесь и далее примеры взяты из *Yoshimoto Banana. Kicchin. Kadokawa Shoten*, 1998, и перевода этого произведения, выполненного А. Кабановым: *Ёсимото Банана. Кухня*. СПб., 2005. Для лучшего понимания дальнейшего изложения приведем краткое содержание рассказа. Главная героиня, студентка, по имени Микагэ, живет вдвоем с бабушкой. Бабушка умирает. Бабушкин знакомый – студент того же университета, где учится Микагэ – Юити предлагает ей некоторое время пожить у него дома. Он живет с мамой. Постепенно выясняется, что эта мама раньше была папой, но стала женщиной после операции по смене пола. Рассказ о том, как складываются отношения между этими тремя людьми, об особенностях каждого, об их жизненном выборе.
- ⁷ Басс И.И. Указ. соч.
- ⁸ Прасол А.Ф. Заключительные модально-экспрессивные частицы в японской речи. Владивосток, 1999. С. 5.
- ⁹ Там же, с. 30.
- ¹⁰ Там же, с. 42.
- ¹¹ Эрико – это новое имя «мамы» Юити (бывшего папы).
- ¹² Орфография авторская.

Лингвистика в кругу наук

Г.Е. Крейдлин, Г.Б. Шабат

Пространство в естественных языках и языках геометрии

Настоящая статья, написанная совместно лингвистом и математиком, открывает серию работ о *языках* геометрии в их письменной форме. В ней обсуждается центральное понятие научной и языковой картин мира – понятие пространства и описываются языки геометрии как науки, в которых пространство и его свойства являются основными предметами изучения. Особое внимание уделяется лексическим средствам описания пространственных структур в языках науки и в естественном языке.

Ключевые слова: естественные языки, языки геометрии, научная картина мира, языковая картина мира, лексические единицы

0. Введение

Наряду с повседневными или бытовыми, естественными языками, которыми пользуются их рядовые носители, лингвистика интересуется и другими языками, в частности языками различных наук. Те лингвисты, в сферу внимания которых входит язык какой-то науки, его строение и содержание, втайне надеются, что лингвистическое изучение этого языка может помочь и основным его пользователям. При этом, как и в случае бытовых языков, принято выделять два аспекта владения языком науки: понимание (анализ) письменных и устных текстов на этом языке и построение (синтез) таких текстов.

При лингвистическом изучении научных текстов центральное место занимают лексическая и грамматическая системы, а, например, фонетическая и фонологическая структуры остаются в стороне, что не удивительно, поскольку языки науки в основном связаны с письменной формой общения.

Настоящая статья открывает серию работ о *языках* геометрии в их письменной форме. Мы употребили здесь множественную форму

слова *язык* неслучайно. Для описания науки, то есть для построения и анализа её понятийного и методологического аппарата, характеристики её инструментария, исследования основных текстов и достижений науки, казалось бы, вполне достаточно одного языка, и такой взгляд на науку и её язык бытует в лингвистической среде по сегодняшний день. Между тем, говоря о нескольких языках геометрии, мы хотим в дальнейшем показать, что представление об одном-единственном языке этой науки в общем случае неверно и что для адекватного описания геометрии – её положений и основных результатов – одного языка недостаточно.

Особенность геометрии состоит в том, что она изучается не только специалистами, но и людьми, в норме далёкими от математики, – школьниками, студентами и др. Это накладывает на геометрию и на традиционный стиль её изложения определённые ограничения и обязательства, которые вынуждены принять на себя авторы учебных текстов и учителя. Ядерные элементы геометрии и некоторые её тексты должны быть понятны не только математикам, но и более широкому кругу людей. Приходится принимать во внимание, что люди, изучающие и преподающие геометрию, обладают разными мыслительными и когнитивными способностями, что у каждого из них есть свои психологические особенности и свой жизненный опыт, а потому при написании геометрических текстов и их устном воспроизведении необходимо прямо или косвенно учитывать фактор адресата.

Адресаты языков геометрии – это люди разных социальных групп, существенно различающиеся по своей культуре, человеческим характеристикам и интересам. К ним относятся, прежде всего, профессиональные математики, причём, что важно, не обязательно занимающиеся геометрией. Кроме того, адресатами геометрических текстов являются преподаватели и ученики. К адресатам таких текстов можно отнести и специалистов в других областях знания, которым могут быть интересны и полезны геометрические идеи. Наконец, адресатами геометрических текстов могут быть любые люди, интересующиеся математикой.

Было бы, однако, ошибкой думать, что по мере развития геометрии и распространения геометрических знаний всякий раз учитывались разные характеристики всех адресатов. Фактор адресата, наряду с внутренними потребностями самой геометрии, и был одной из многих причин рождения различных языков геометрии. При этом возникли эти языки не одновременно, и каждый из них предназначался более чем одной группе адресатов.

Рассматривая языки геометрии, мы попытаемся реконструировать те комплексы идей, которые стояли за появлением каждого из них, и очертить тот круг лиц, для которых тот или иной язык может более или менее полезен и доступен. Таким образом, задачи, которые мы перед собой ставим в этой и последующих статьях, посвящённых языкам геометрии и их соотношениям с естественными языками, состоят не только в том, чтобы описать языки геометрии, но и показать, что с каждым из них связаны свои особенности понимания людьми текстов на этих языках.

Настоящая статья является продолжением серии работ, написанных совместно математиком и лингвистом¹. В центре внимания нашей совместной деятельности лежат природа и механизмы понимания текстов, прежде всего научных. При этом мы обычно рассматриваем тексты не только на естественном (обычно – русском) языке, но и на различных формальных языках.

В предыдущих работах мы охарактеризовали основные способы контроля и самоконтроля понимания научных текстов и описали некоторые когнитивные операции над определёнными их видами, а именно над формулировками теорем. Понимание смысла научных текстов и их отдельные структурные характеристики составляют центральное место и в настоящей статье. Сходные проблемы рассматривались ранее и в целом ряде других исследований².

Структура данной статьи такова: после Введения следует раздел 1, в котором обсуждается понятие пространства, определяется место и роль в нём человека и описываются языки геометрии как науки, в которых пространство и его свойства являются основными предметами изучения. В разделе 2 речь идёт о геометрии трёхмерного пространства, а в разделе 3 – о расширении самого понятия трёхмерного пространства и о пространстве-времени. При этом формальная адекватность всех вводимых в этих разделах понятий подкрепляется рядом соображений относительно их содержательной адекватности. В Заключении отмечаются некоторые сходства и различия между представлениями о пространстве, закреплёнными в естественных языках и языках геометрии. Обрисовываются перспективы дальнейшей работы в этом направлении.

1. Языки математики

1.0. Языки геометрии среди языков математики. Прежде чем обратиться к языкам геометрии, скажем несколько слов о языках математики вообще.

Сначала уточним, что мы имеем в виду под *языком математики*. Считая понятия *математика* и *математик* первичными, отметим, что они релятивизованы относительно эпохи. Важно осознать, кого мы сегодня называем *математиком* и что мы сегодня относим к математике и к математическим текстам.

Говоря о языках математики, мы далее сосредоточимся в основном на современном языке и на современных математических текстах. При этом мы будем рассматривать только письменную форму таких текстов в их печатном или электронном виде, а под языком математики будем понимать язык математических текстов. В следующих статьях мы намереваемся рассмотреть несколько языков математики и несколько языков геометрии.

1.1. Геометрия как наука о пространстве и пространстве-времени. *Когда и как люди научились говорить о пространстве?* В настоящее время ответ на этот вопрос никому не известен, и вместе с тем он является лишь крошечной частью одного из основных вопросов лингвистики *Когда и как люди научились говорить?*

Представления о пространстве составляют важнейший концептуальный элемент самых древних из доступных нам текстов. Опуская очевидные библейские примеры, упомянем, что, по-видимому, старейшее из дошедших до нас литературных произведений — «Эпос о Гильгамеше» — начинается словами, которые имеют прямое отношение к пространству:

*О том, кто всё видел до края Вселенной,
Кто скрытое ведал, кто всё постиг,
Испытывал судьбы Земли и Неба...³*

Как мы видим, сказание о Гильгамеше начинается с (не очень явного) описания того, где происходят описываемые события: от края до края Вселенной, от Земли до Неба... Вспомним также, что огромное количество сказок и легенд начинается обозначающими пространство словами *В некотором царстве, в тридевятом государстве* и т.п.

Поскольку геометрия в современном представлении — это наука о пространстве, поставленный выше вопрос — не праздный. Обсуждая его, нам придётся договориться, что мы понимаем под *пространством*.

Словари и энциклопедии договориться об этом не помогут, что не случайно. Хотя выдающаяся современная лингвистка Анна Вежбицкая не включает 'пространство' в свой список семантических атомов, или примитивов⁴, тем не менее, как понятие «пространство», так и слово *пространство* следует, по-видимому, отнести к неопределяемым. «Определение» вроде *Пространство — это всеобщая*

форма существования материи, которое студенты нашего поколения вынуждены были зазубривать в эпоху господства «единственно верного» философского учения (диалектический материализм), пытается истолковать и объяснить не очень понятное с помощью уж совсем непонятого. Не лучше и современное деидеологизированное энциклопедическое описание *Space is the boundless, three-dimensional extent in which objects and events occur and have relative position and direction*⁵. Данное описание обладает тем же недостатком: оно малопонятно. К тому же оно старомодно утверждает без какого-либо обоснования, что пространство, в котором мы живём, обладает такими свойствами, как неограниченность и трёхмерность, то есть свойствами, о которых мы ещё собираемся поговорить в последующих статьях.⁶

В русском языке есть два слова с весьма близкими значениями: *пространство* и *Вселенная*. Каждое из них может служить синтаксически правильным и всеобъемлющим ответом на вопросы о *местонахождении* чего-либо, но при этом ответ может быть далеко не всегда семантически корректным. Дело в том, что слова *пространство* и *Вселенная*, во-первых, не полностью синонимичны, а во-вторых, обслуживают разные предметные области. Хотя оба слова часто встречаются в поэтических текстах, *пространство* как научный термин относится скорее к математике, а *Вселенная* – к физике. Наконец, поскольку в математике говорят о многих пространствах⁷, слово *пространство*, как правило, пишут со строчной буквы. Между тем *Вселенная*, согласно большинству современных физических и философских представлений, одна, а потому слово *Вселенная* всегда пишется с заглавной буквы: оно в физических текстах играет роль имени собственного.

Отметим попутно ещё один лингвистический факт, касающийся слова *Вселенная*. В современном научном языке оно и его английский эквивалент *Universe* являются абсолютно точными переводами друг друга, но происхождение у этих слов разное.

Согласно данным электронной энциклопедии «Википедия», русское слово *Вселенная* произошло от старославянского *в̑селена*, которое является калькой с древнегреческого *οἰκουμένη* 'οἰκουμένη'. Последнее, в свою очередь, образовано от глагола *οἰκῶ* 'населять, обитать'. Между тем английское слово *Universe* восходит к латинскому *Universum*⁸, в котором часть *uni* происходит от *unus* 'один', а часть *versum* 'vorsum' связана со словом *vertere* 'вращаться'. Таким образом, *Вселенная* – это место, где живут люди, а *Universum* – объект, который вращается как нечто единое, цельное и целостное (главный образ здесь, конечно, ночной небосвод).

О Вселенной говорят и пишут поэты и учёные, однако учёные, особенно в последние десятилетия, озабочены вопросом о существовании вселенных, альтернативных нашей. Этим же вопросом интересовались и поэты, но, конечно, по другим причинам: поэтов занимали вопросы взаимоотношения Вселенной и людей.

Физики стали рассуждать о разных вселенных, в том числе о тех, в которых мы не живём, и даже рассматривать вопрос о количестве таких вселенных⁹. Это обстоятельство отразилось и на правописании слова *вселенная*: оно сегодня всё чаще пишется с маленькой буквы. В английском языке, точнее, в англоязычной физической и философской литературе, более века назад появилось парадоксальное, на первый взгляд, слово *multiverse*, имеющее как своих сторонников, так и противников.

Вопросы о существовании и количестве альтернативных вселенных отнюдь не являются праздными. Согласно воззрениям современной физики, нашу Вселенную через миллиарды лет ожидает печальный конец, несколько напоминающий её начало. Мы имеем здесь в виду Большой Взрыв, но, как говорят физики, с обращённым временем. Существует несколько сценариев конца Вселенной, но ни один не оставляет надежд на вечное пристанище для наших потомков, так что очень хотелось бы знать: а не найдётся ли для них *других вселенных*?

Перейдём теперь от языка физики к языку математики и от Вселенной/вселенных к Пространству/пространству.

Замечание. В последнее время появилось несколько работ, посвящённых значению и употреблению русских слов, обозначающих разные виды пространств. Укажем, например, на работу И.Б. Левонтиной «Черта местности»¹⁰. В ней отмечен следующий важный факт: слова, обозначающие 'пространство', выделяют (акцентируют) в них те или иные смысловые компоненты, связанные с человеком, такие, как 'обжитость', 'близость к человеку' или 'удалённость от человека' и др.

Отказавшись в данной статье от попыток *определить*, что такое пространство, отметим лишь, что пространство – это не просто место, а место, где нечто происходит, то есть оно связано с определёнными *событиями*.

В разных разделах профессиональной математики изучаются многочисленные и разнообразные виды пространств, и этим, в частности, профессиональная математика отличается от школьной. В школьную программу входит такая дисциплина, как стереометрия, во введении к которой обычно отмечается, что стереометрия является наукой о «нашем» Пространстве, о пространстве, в котором

мы, якобы, живём. По традиции, восходящей к древнегреческой математике, это пространство объявляется трёхмерным и евклидовым, то есть пространством, свойства которого описываются аксиомами евклидовой геометрии.

В современной математике общего понятия «пространство» нет. К пространствам в языках математики обычно относят множества, элементы которых принято называть *точками*.

Прежде чем говорить о языках геометрии, необходимо уточнить понимание трёх хорошо известных со школьной скамьи слов *геометрия*, *планиметрия* и *стереометрия*. Если не вдумываться в их этимологию, то данные термины и стоящие за ними понятия кажутся ясными: (школьная) *геометрия* состоит из двух частей – *планиметрии*, науки, изучающей фигуры на *плоскости* (то есть двумерном пространстве), и *стереометрии*, науки, изучающей тела в (трёхмерном) *пространстве*. Если всё же обратиться к этимологии обсуждаемых слов, то мы сталкиваемся с абсурдной ситуацией: название более общей науки, *геометрии*, этимологически родственной *географии* и *геологии*, связано с изучением поверхности Земли, а потому она уже много веков как должна была бы быть *сферической* геометрией. Последнее, однако, противоречит тому, что основные подразделы геометрии – *планиметрия* и *стереометрия* – изучают абстрактные понятия, связанные отнюдь не только с Землёй. Они едва ли вообще имеют какой-то физический смысл – с точки зрения современных представлений о Вселенной. В дальнейшем мы будем использовать названия геометрических дисциплин лишь в привычном со школы смысле.

Так, при обсуждении маршрутов и их описаний мы обычно рассматриваем перемещение людей *по Земле*, то есть остаёмся в рамках *планиметрии*. Сферичность Земли в повседневной жизни проявляется редко; естественный язык, как мы хорошо знаем, весьма эффективен в описании плоскости и перемещений по ней, но значительно хуже приспособлен к рассказам о сфере и о сферических маршрутах.

Между тем люди не только ходят по земле, но и летают над ней, и это обстоятельство для естественных языков отнюдь не является помехой. Мы прекрасно справляемся с третьим измерением – с точностью до одной тонкости, о которой мы ещё поговорим попозже.

Рассмотрим пару языковых примеров:

- *За рекой, за лесом солнышко садится* (начало песни на слова В. Застрожного, популярной в прошлом веке).

- *И под божественной улыбкой, // Уничтожаясь на лету, // Ты полетишь, как камень зыбкий // В сияющую пустоту...* (А. Блок, «Демон»).

На естественном языке легко выражаются такие понятия, как «ближе/дальше», «выше/ниже», «отвесно вниз» (как падающий камень). Используемые для этого языковые средства, главным образом, лексические, известны каждому с детства, причём обычный человек, даже не лингвист, легко понимает их, специально не анализируя.

Вышеупомянутая тонкость связана с описанием того, что происходит в *видимой* части пространства. Мы зрительно воспринимаем то, что происходит *на Земле* и выше, то есть *над Землёй*, и хорошо умеем описывать только то, что видим. Иными словами, *естественные языки пригодны скорее для описания полупространства, чем пространства*.

Высказанное только что положение может кому-то показаться спорным – ведь мы умеем говорить и о пещерах, и о шахтах, и о станциях метро. Однако, если это положение несколько уточнить и сформулировать его на более научном языке, то, оно, как кажется, едва ли вызовет возражения.

Прежде чем перейти к понятию «полупространство», сделаем несколько предварительных замечаний.

Как известно из курса стереометрии, в пространстве выделяют два основных класса подмножеств: прямые и плоскости. На множестве прямых принято вводить отношение *параллельности*; при этом *совпадающие* прямые считаются параллельными. Отношение параллельности является отношением эквивалентности, которое разбивает множество прямых на классы эквивалентности, называемые *направлениями*.

Трёхмерное пространство, рассматриваемое в стереометрии, обладает свойством *изотропности*, то есть все *направления* в нём *равноправны*. *Равноправность направлений* означает, что существуют *движения* (то есть преобразования пространства, сохраняющие все возможные расстояния между точками), которые переводят любое направление в любое (в том числе само в себя). Между тем в пространстве, в котором, как принято думать, мы живём и о котором мы обычно говорим на естественном языке, есть по крайней мере одно выделенное направление, а именно вертикальное.

Дело в том, что все «наземные» направления, то есть горизонтальные и саггитальные (направления «вперёд» – «назад»), являются субъективными, поскольку привязаны к конкретным людям. Вертикальное же направление единственно¹¹ и потому субъективно в гораздо меньшей степени (то, что основным пространственным направлением является вертикальное, связано и с тем, что естественное положение человеческого тела – вертикальное¹². Свидетельством

этому является наличие в языке слов *вертикальное* и его дериватов, слов *верх* и *низ*, а также слов, обозначающих движение в вертикальном направлении, – *вверх* и *вниз*. Последние две языковые единицы говорят о том, что есть что-то в этом мире, что находится или происходит *выше* (меня, наблюдателя!), а что-то – *ниже*.

Понятия «выше» и «ниже» разбивают пространство на два трёхмерных *полупространства*; границу между этими полупространствами в отрыве от субъективного наблюдателя часто называют *уровнем моря*, отмеряя от неё, скажем, высоты гор или глубины морей.

Теперь мы можем сформулировать предварительный ответ на вопрос «Где мы живём?».

Фрагмент естественного языка, удобный для описания наблюдаемых пространственных явлений, сформировался в давние времена и базировался на распространённых тогда представлениях о том, что **мы живём в трёхмерном полупространстве (выше уровня моря)**.

В дальнейшем сформулированный ответ будет уточнён и дополнен. Его уточнение будет касаться свойств полупространства, о котором идёт речь.

Замечание. Представителей всех мировых культур с незапамятных времён больше всего привлекал, так сказать, верхний край этого полупространства, а именно *небесная полусфера*. Предметом особо тщательных наблюдений, представлений и фантазий эта полусфера становилась по ночам: ночное небо служило неиссякаемым источников не только мифов, но и точных описаний и гипотез.

Одной из наиболее полных сводок древних знаний и верований является поэма «Явления», написанная греческим поэтом Аратом, жившем в III веке до нашей эры¹³. Эта поэма во время её написания была явным «бестселлером», но постепенно утратила широкую известность. Многие объясняют это тем, что примерно тогда же стали появляться гораздо более *научные* описания ночного небосвода. Однако для гуманитариев поэма Арата остаётся замечательным и полным ответом, на вопрос *Где мы живём?*, данным более двух тысяч лет (!) назад, а потому мы настоятельно рекомендуем всем, кто хоть немного интересуется этой проблемой, прочитать поэму Арата.

Для уточнения ответа на вопрос *Где (и когда) мы живём?* нам потребуется ввести два важных понятия – «ориентация трёхмерного пространства» и «время». Эти понятия позволяют придать точный смысл членам оппозиций *левое/правое* и *раньше/позже*.

Понятия «левое» и «правое» (применительно к объектам трёхмерного пространства) определяются при помощи понятия «ориентация трёхмерного пространства». Сначала мы дадим определение «базиса в трёхмерном пространстве», опираясь при этом на известное из школьной геометрии понятие луча и его начала. Затем введём понятия *упорядоченного* базиса в трёхмерном пространстве, непрерывного перевода одного упорядоченного базиса в другой, *согласованных упорядоченных* базисов, которые мы будем называть *одинаково ориентированными*. На основе этих понятий и будет определено понятие ориентации.

Базисом в трёхмерном пространстве мы будем называть три луча в этом пространстве, имеющие общее начало и не лежащие – все втроем! – в общей плоскости¹⁴.

Замечание. Для тех читателей, кто привык к понятию *системы координат* в пространстве, проще всего считать базисом *положительные* направления традиционных координатных осей $\{x, y, z\}$.

Упорядоченный базис в трёхмерном пространстве – это базис с выбранным *порядком* лучей – договариваемся, какой луч считать первым, какой – вторым, какой – третьим.

Далее рассматривается свойство *«непрерывная переводимость* одного упорядоченного базиса в трёхмерном пространстве в другой». Два упорядоченных базиса в трёхмерном пространстве называются *согласованными*, если один из них можно *непрерывно* перевести в другой так, чтобы ни в какой момент лучи этих базисов не оказались в общей плоскости. *Согласованные упорядоченные базисы* также называют *одинаково ориентированными*. *Согласованность упорядоченных базисов* является отношением эквивалентности на множестве упорядоченных базисов, а потому задаёт разбиение этого множества на классы эквивалентности. Можно показать, что таких классов упорядоченных базисов в трёхмерном пространстве ровно два. Элементы одного класса называют *положительно ориентированными базисами*, а элементы другого – *отрицательно ориентированными базисами*.

Замечание. В случае трёхмерного пространства, в котором введена традиционная система координат, положительно ориентированными обычно считаются единственный лексикографически упорядоченный базис (x, y, z) ¹⁵ и упорядоченные базисы (y, z, x) и (z, x, y) , получаемые из базиса (x, y, z) последовательными циклическими перестановками. Отрицательно ориентированными будут базисы (y, x, z) , (x, z, y) и (z, y, x) ¹⁶.

Далее определяется понятие «выбор ориентации трёхмерного пространства». Под ним имеется в виду выбор одного из двух классов упорядоченных базисов. Сделанный выбор и объявляется *ориентацией трёхмерного пространства*.

Отметим одно важное обстоятельство. Такой выбор осуществляется абсолютно произвольным образом: структура трёхмерного пространства не содержит в себе ничего, что бы его предопределяло. Выбранный класс принято называть при этом классом *положительно ориентированных* базисов.

Поясним введённое понятие ориентации трёхмерного пространства неформально.

Предположим, что мы *стоим на* поверхности Земли, то есть понятия «прямо» и «вверх» для нас определены (это – лучи, причём направление луча «прямо» определено взглядом, а направление «вверх» – от головы к небу). Тогда плоскость, порождённая направлениями *прямо* и *вверх*, пересекает пространство на два полупространства. Выбор ориентации состоит в том, что одно из этих полупространств считается левым, а другое – *правым*. В европейской культуре принято считать положительным базис «вправо, вперёд, вверх». «Левое» определяется как противоположное правому.

Подчеркнём, что речь идёт именно о выборе: сама по себе структура пространства (заданная, например, *метрикой*, то есть функцией, ставящей любой паре точек пространства число, равное *расстоянию* между ними) ориентации не определяет. Если мы выбрали ориентацию в нашем трёхмерном пространстве, то в Зазеркалье естественно будет выбрана противоположная ориентация.

Замечания: (а) Более подробный анализ понятия ориентации, специально предназначенный для гуманитариев, можно найти в книге В.А. Успенского «Апология математики»¹⁷; (б) выше мы сознательно оставили неформализованным кажущееся интуитивно ясным понятие непрерывности. Непрерывность как некоторое свойство отображений определяется через основные понятия топологии и топологического пространства¹⁸.

Перейдём к понятию времени. Время связано с вопросом *когда?* так же, как пространство – с вопросом *где?*. Мы понимаем, что каждое *событие* происходит *где-то* и *когда-то*, а потому событию сопоставляется пара: *точка пространства* и *момент времени*¹⁹.

Далее мы будем говорить о *множестве* событий. Его в математике и физике называют *пространством (событий)*, или *пространством-временем*. Если бы пространство как множество точек и время как множество моментов никак не были связаны между

собой, или, иначе, если бы *где*-вопрос и *когда*-вопрос, относящиеся к одному и тому же событию, не были связаны по смыслу друг с другом, то переход от пространства к пространству-времени выглядел бы ненужным и искусственным.

В классической картине мира пространство и время рассматривались по отдельности: пространство представлялось *вечным* и *неизменным*, а время – текущим независимо от него, от *бесконечно далёкого прошлого* до *бесконечно далёкого будущего*. Такая картина мира лежала в основе ньютоновой механики.

Даже в наиболее старых из известных нам сегодня картин мира взаимоотношения между пространством и временем не столь тривиальны: в большинстве из них, например, религиозных или фольклорных, в том или ином виде фигурирует *акт творения*. Признание существования этого акта устанавливает взаимозависимость пространства и времени. Так, если вопрос *Что было на Красной площади до сотворения Мира?* бессмыслен, то вопрос *Что было на Красной площади до реформ Петра?* вполне осмыслен.

В двадцатом веке наука тоже пришла к признанию существования «акта творения»: были обнаружены несомненные последствия Большого Взрыва.²⁰ Тем самым наука пришла к пониманию неразрывности времени и пространства. Ещё одной причиной не рассматривать пространство и время по отдельности явилось осознание неполноты классической научной картины мира. Появилась *теория относительности*, в которой пространство и время выступают в неразрывном геометрическом единстве.

И всё же снова: Где мы «на самом деле» живём? Наиболее точный, краткий и честный ответ звучит просто: Не знаем. Однако мы знаем, что существует более развёрнутый и содержательный ответ на поставленный вопрос. Правда, сам вопрос следует предварительно уточнить.

Обратим внимание на слова *на самом деле* и на то, что они в поставленном вопросе взяты в кавычки. Дело в том, что исчерпывающее описание пространства или пространства-времени, которое вмещало бы *все* наблюдаемые явления, современной науке неизвестно. Существование так называемой *объективной реальности* (научообразного варианта более понятного словосочетания *на самом деле*), которую описывать наука якобы призвана, является не более чем гипотезой, причём, на наш взгляд, мало обоснованной.

Мы понимаем задачу описания пространства-времени как значительно более скромную, чем задача построения полной, непротиворечивой и окончательной картины геометрии мира.

2. Заключение

На протяжении статьи мы не раз ставили вопрос «Где мы живём?» и обсуждали разные способы уточнения этого важного вопроса. Ответ на него занимает умы не только математиков, но и представителей многих других наук. Проблема уточнения этого вопроса заботит и лингвистов, однако пути уточнения у лингвистов и математиков, вообще говоря, разные.

Главное, что интересует лингвистов, – это способы языковой и, шире, семиотической, концептуализации пространства. Наряду с понятием и словом *пространство* как ядерным элементом соответствующего семантического поля, ими анализируются такие понятия, слова и словосочетания, как *место*, *местонахождение*, *местопребывания*, *место жительства*, *территория*, а также более конкретные виды и обозначения пространств – *страна*, *город*, *улица*, *дом* и др. Исследуются также связанные с пространством и его концептуализацией сущности, как направление, ориентация, верх, низ, правый, левый, передний, задний и др.

При рассмотрении всех этих понятий и при изучении лингвистических свойств этих слов (морфологического строения, значения, сочетаемости и под.) основное внимание исследователей обращено на соотношение всех этих понятий и слов с человеком – говорящим, слушающим, наблюдателем. Поэтому лингвисты и представители некоторых других гуманитарных наук говорят об антропоморфности пространства и о психофизиологической нагруженности пространственных понятий и категорий. Точкой отсчёта, относительно которой устанавливаются значения рассматриваемых категорий, чаще всего бывает человек (хотя и независимые точки отсчёта тоже встречаются – географические, астрономические и др.).

В современных геометрических и физических теориях места человеку не находится²¹. Все понятия, часть из которых мы обсуждали в данной статье, абсолютизированы, то есть не релятивизованы относительно человека. Мы, однако, выражаем надежду на то, что в будущем основным действующим лицом геометрии и физики станет триада «пространство-время-человек». Некоторые основания для этой надежды у нас есть, и связаны они, прежде всего, с результатами, полученным в математической логике XX века. Мы имеем в виду, в частности, теорему Гёделя о неполноте (*В любой непротиворечивой теории имеется формула, которая одновременно и недоказуема, и неопровержима*)²².

Таким образом, ответ на вопрос «Где мы живём?» представители естественных и гуманитарных наук сегодня дают разный, и

взаимопонимание предполагает его разные возможные уточнения. За минувшие тысячелетия было построено несколько *моделей* пространства-времени, каждая из которых описывает лишь некоторую *часть* наблюдаемых явлений и потому даёт свой неполный ответ на поставленный вопрос. Такие модели мы собираемся последовательно обсудить в дальнейших статьях на данную тему, сознавая, что по мере приближения к современности их сложность растёт, а потому по необходимости наш рассказ о них будет всё менее детальным. Иными словами, постепенное усложнение моделей – это путь ко всё более точному ответу на вопрос *Где мы живём?*

Примечания

- ¹ *Крейдлин Г.Е., Шабат Г.Б.* Теорема как вид текста I. Понятность // Вестник РГГУ. Серия Языкознание/МЛЖ. 2007, № 8. С. 102 – 112.; *Крейдлин Г.Е., Шабат Г.Б.* Теорема как вид текста II. Когнитивные операции над формулировками теорем // Вестник РГГУ. Серия Языкознание/МЛЖ. 2011, № 11. С. 241–270.; *Крейдлин Г.Е., Шабат Г.Б.* Когнитивные операции на пути к пониманию текста // Präsens: сборник научных трудов / Под общ. ред. Е.И. Пивовара. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012, С. 251–265.
- ² *Гладкий А.В., Мельчук И.А.* Элементы математической лингвистики. М.: Наука, 1969.; *Звонкин А.К.* Малыши и математика: Домашний кружок для дошкольников. М.: МЦНМО, МИОО, 2012.; *Корельская Т.Д., Падучева Е.В.* Обратная теорема (алгоритмические и эвристические процессы мышления). М.: Знание, 1978 (Новое в жизни, науке, технике: Математика, кибернетика); *Крейдлин Г.Е., Шмелёв А.Д.* Математика помогает лингвистике. М.: Просвещение, 1994.; *Манин Ю.И.* Математика как метафора. М.: МЦНМО, 2008.; *Успенский В.А.* Труды по Нематематике. М.: ОГИ, 2002.
- ³ *Гумилев Н.С.* Гильгамеш. Пг.: Изд. Гржебина, 1919. (Перевод-переложение с французского). «Эпос о Гильгамеше», или поэма «О всё выдавшем» (аккад. *ša nagba ituru*), – одно из старейших сохранившихся литературных произведений в мире, являющееся огромным художественным достижением. Эпос создавался на аккадском языке на основании шумерских сказаний на протяжении полутора тысяч лет, начиная с XVIII–XVII века до н. э. (см. Википедия: Эпос о Гильгамеше^ [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>).
- ⁴ *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996.
- ⁵ Britannica Online Encyclopedia (www.britannica.com).
- ⁶ Мы употребили здесь слово *старомодно* по следующей причине: в современной теоретической физике принято рассматривать более сложные модели физического пространства, которые, как правило, многомерны и ограничены.
- ⁷ Например, математик может начать лекцию словами *Сегодня мы поговорим о топологических пространствах конечной гомотопической размерности...*
- ⁸ Впервые это слово было употреблено Лукрецием в поэме «О природе вещей».

- ⁹ Хокинз С. Краткая история времени от большого взрыва до чёрных дыр. М.: Амфора, 2010.
- ¹⁰ Левонтина И. Черта местности // Троицкий вариант: Общественно-политическая газета. 2012, № 112, 11 сентября.
- ¹¹ Мы отвлекаемся здесь от таких сравнительно редких ситуаций, как подъём в гору, скалолазание или сагитальное направление лежащего человека, когда *перёд* означает 'верх'.
- ¹² Кравченко А.В. Язык и восприятие: когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск: изд.-во Иркутского университета, 1996. С. 30.
- ¹³ Арат. Явления / Пер. с древнегреч. и коммент. К.А.Богданов. Спб.: Алетейя, 2000.
- ¹⁴ Данное определение не является в математике общепринятым, но равносильно ему (см., например, «Википедия»).
- ¹⁵ Отметим, что фигурные скобки $\{ \}$ используются для обозначения неупорядоченного множества, а обычные скобки $( )$ – для обозначения упорядоченного множества.
- ¹⁶ Определение знака базиса будет особенно хорошо понятно тем, кто знает, что такое *перестановка* и её *знак* ...
- ¹⁷ Успенский В.А. Апология математики. М.: Амфора, 2011.
- ¹⁸ Рохлин В.А., Фукс Д.Б. Начальный курс топологии. Геометрические главы. М.: Наука, 1977.
- ¹⁹ Ср. с известным понятием *хронотоп* в книге Бахтина: Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234–407.
- ²⁰ Согласно современным астрофизическим представлениям нашей Вселенной около 14 миллиардов лет.
- ²¹ См., однако, статью: Никулов А. Зачем создавать квантовую теорию без наблюдателя // Троицкий вариант: Общественно-политическая газета. 2013, № 127. 23 апреля.
- ²² Под *недоказуемостью* формулы понимается принципиальная невозможность вывести её по фиксированным в данной теории правилам и из фиксированной в данной теории совокупности аксиом, а под *неопровержимостью* формулы – недоказуемостью её отрицания (в математике постулируется возможность отрицания любой формулы). Подробный разбор этой теоремы с широких общекультурных позиций можно найти в книге: Манин Ю.И. Математика как метафора. М., :МЦНМО, 2008.

Собиратель и информант: встреча по-новому (особенности полевого интервью на Алтае в наше время)

Влияние глобализационных процессов привело к обострению проблемы национальной самоидентификации и этнической консолидации алтайского общества. Это вызвало необходимость переосмыслить традиционное знание и адаптировать традиционную картину мира к новым условиям жизни. В данной публикации на материале нескольких полевых записей рассмотрены некоторые особенности взаимодействия собирателя и информанта на Алтае в наши дни. В сложившихся условиях собиратель включается в процесс решения задачи национальной самоидентификации, а информант занимает позицию интерпретатора традиционного знания, пытаясь активно повлиять на мысленную картину исследователя.

Ключевые слова: алтайская традиция, национальная самоидентификация, полевое интервью, граница «свой – чужой».

Влияние научно-технического прогресса и глобализационных процессов; экспансия на Алтай русской (а через нее и элементов европейской) культуры, темпы которой возросли с улучшением инфраструктуры в регионе; многолетнее формирование билингвизма; развитие туристической отрасли и экономики в целом – все это привело к обострению проблемы национальной самоидентификации и этнической консолидации – проблемы, с которой алтайцы столкнулись приблизительно на рубеже XIX – нач. XX в. Все перечисленные внешние изменения спровоцировали «размывание» и необходимость переоценки традиционного знания и уклада жизни. Свое место в современном мире должны были найти не только внешние, материально проявленные элементы традиции, но и ментальная картина мира. Следствием этого стал процесс переосмысления традиционного знания и адаптация традиционной картины мира к процессам глобализации, затронувшей Алтай. Это существенно поменяло «расстановку сил» в ситуации полевого интервью: современному исследователю приходится столкнуться со всеми последствиями перемен в жизни алтайцев. На сегодняшний день, как нам кажется, сфор-

мировались некоторые особенности во взаимодействии собирателя и информанта на Алтае, которые и будут рассмотрены в этой статье. В качестве материала для анализа использованы как собственные полевые записи автора¹, так и материалы других исследователей.

Говоря о полевом интервью, мы имеем в виду особый вид общения – диалог собирателя и информанта, – который обладает некоторыми специфическими чертами:

1) особое положение участников диалога по отношению друг к другу – часто малознакомых людей, имеющих разный социальный статус, принадлежащих к разной культуре и говорящих на разных языках (таким образом осуществляется т.н. кросс-культурный диалог);

2) специфика общения собирателя и информанта с точки зрения изначальных прагматических установок: собиратель не только пытается «проникнуть» в культурные смыслы, которыми оперирует информант, но и «отстраняется», чтобы иметь возможность оценить ситуацию диалога извне, со стороны, и проанализировать причины того или иного поворота беседы; информант, в свою очередь, также «приспосабливается» к собирателю, пытаясь «примерить» на него подходящий социальный статус в рамках своей картины мира, определить нужды и потребности своего собеседника и использовать подходящую поведенческую стратегию;

3) особенности речевого поведения собеседников на уровне организации отдельных реплик (высказываний), направленных на достижение взаимопонимания.

Интервью как особый вид общения в последнее время всё чаще становится отдельным предметом интереса исследователей. Как справедливо заметила Т.Б. Щепанская, получить полностью объективное знание невозможно, так как его вид всегда обусловлен формой его получения². Таким образом, естественно, что исследователи всё чаще обращаются к рассмотрению научной экспедиции как специфической коммуникативной структуры порождения знаний. «Естественным представляется вопрос: как [...] трактовать полевое интервью? Что это за канал, какая информация, куда, в каких объёмах и для чего по нему протекает?»³.

Актуальной остается проблема позиции исследователя по отношению к информанту. Естественная дистанция, возникающая между собеседниками, объяснима, прежде всего, непониманием информантами целей исследователя и невозможностью идентифицировать его социальный статус в рамках традиции: «Исследуемая среда не признает настоящего статуса исследователей, приписывая им другой, в ряде случаев – статус врага»⁴.

Кроме того, зачастую работа собирателя нацелена не столько на поиск знаний об этносе и его традиции, сколько на само традиционное знание, духовный мир народа. Принимая это во внимание, А.А. Панченко характеризует деятельность собирателя как специфическую форму узурпаторской деятельности, отмечая «захватническую» позицию собирателя по отношению к информанту: «Правильнее было бы сказать, что полевое интервью изначально воспринимается собирателем как ситуация насилия и присвоения. По-видимому, это отражает глубинную специфику культурно-антропологической деятельности, являющейся, по существу, более или менее насильственным присвоением имманентного смысла чужой культуры, своеобразным “культурным колониализмом”»⁵.

Другого подхода к данной проблеме придерживается О.М. Шифман, делая акцент на том, что исследователь решает задачу описания этнокультурной традиции с позиции её носителя. И здесь особенно важна установка на равноправность собеседников⁶.

При этом вне зависимости от позиции собирателя, отмечается стремление информанта изложить информацию самостоятельно, достраивая последовательность и непрерывность изложения хода событий (знаний). Вопросы исследователя лишь направляют ход мысли собеседника⁷.

Обобщая все упомянутые позиции по данному вопросу, необходимо отметить, что в целом ситуация полевого диалога по своей сути всегда провоцирует воспроизведение текстов с целью самоописания традиции: носитель народного знания отвечает на вопрос «чужака», не владеющего информационным фондом традиции. Таким образом, информант всегда вынужден что-то объяснять, то есть описывать традиционное знание «несведущему» собирателю (да и характер полевого опросника зачастую сформирован в этом ключе). Следовательно, ситуация интервью выстраивается вокруг описания границы «свой – чужой» в традиционной картине мира и обращена к этнической самоидентификации информанта.

Понятие этнического самосознания вышло на первый план в 70-е гг. XX в. на волне общего интереса к структуре и природе культурной общности, этносу. Самосознание стало одним из ключевых признаков, определяющих единство людей по этническому принципу, в исследованиях Н.Н. Чебоксарова, С.А. Токарева, В.И. Козлова, К.В. Чистова, Ю.В. Бромлея и др. И в число механизмов, обеспечивающих самопрезентацию этнической группы, мы включаем полученные в ходе интервью особого рода тексты, описывающие внешние и внутренние представления этнической общности о самой себе.

Однако прежде чем приступить к анализу ситуации полевого интервью в наше время, обратимся к фольклористическим и этно-

графическим исследованиям прошлого и попытаемся нарисовать картину того, каким образом велась полевая работа ранее и какой характер носил диалог собирателя и информанта два века назад. Сведения такого рода крайне скупы, и единственным источником для нас становятся заметки теоретического и методологического характера, найденные в периодической печати и публикациях того времени.

Внимание к личности информанта и к особенности построения диалога с ним занимают умы исследователей уже на рубеже XIX – XX вв. Особую роль в этом вопросе играет факт технического прогресса, повлиявшего на скорость и оперативность фиксации текстов во время интервью – и, следовательно, повлиявшего и на уровень свободы действий исследователя в процессе работы. Начало двадцатого века ознаменовалось распространением фонографа и фотоаппарата, существенно повлиявших своим появлением «на сцене» на характер взаимоотношений собирателя и информантов.

В качестве технически несовершенного «наследства» тюркологии XIX в. мы имеем несколько наиболее выдающихся работ, к которым обычно прибегаем в первую очередь в связи с их максимальной полнотой и тщательностью. Это: *Потанин Г.Н.* Очерки Северо-Западной Монголии (1881–1883 гг.); *Вербицкий В.И.* Алтайские инородцы: Сборник этнографических статей и исследований (1893 г.); Образцы народной литературы тюркских племён, собранные и переведенные Н.Ф. Катановым (1907 г.) и *Радлов В.В.* Из Сибири: Страницы дневника (пер. на рус. в сокращении, 1989 г.; оригинал: *Aus Sibirien. Lose Blätter aus dem Tagebuche eines reisenden Linguisten. Von Dr. Wilhelm Radloff. Bd. 1–2. Lpz. 1884*).

Исследовав публикации полевых работ выдающегося тюрколога В.В. Радлова, мы делаем следующие важные замечания. Во-первых, можно отметить обобщенное и безличное отношение собирателя к информантам: «[так] говорят местные жители...»⁸. В атрибуции текстов чаще отдается предпочтение его локализации, а не источнику (информанту), например: «На Кулунде мне удалось записать песню баксы...»⁹.

Во-вторых, прослеживается неопределенность и шаткость социального статуса собирателя в обществе информантов. Собиратель выступает в качестве влиятельной инстанции, защитника и сведущего человека, например: «Больше всего на свете боятся телеуты крещения. Они озабоченно расспрашивали меня, правда ли, что царь велел, чтобы все его подданные крестились, и что к ним пришлют казаков, которые заставят их креститься»¹⁰. Но он же вызывает непонимание своим положением и своей деятельностью, вследствие чего возбуждает подозрения и вынужден быть настороже: например,

вот что говорится о роде сары-сойон (туба) около Караколя: «Я не мог получить данных об этих сойонах, так как их начальник строго запретил своим подчиненным [речь идет о группе местных проводников] сообщать мне хоть какие-нибудь сведения о своем роде, подозревая, что я приехал к ним со шпионскими намерениями»¹¹; «К сожалению, я смог узнать об обычаях сойонов немного, так как здесь очень мало юрт, а кроме того, я был вынужден остерегаться, дабы не возбудить своими вопросами подозрения»¹².

Особого внимания заслуживает фрагмент записи беседы В.В. Радлова с прибайкальским зайсаном Орошоком, сделанной в юрте хозяина¹³. Данный текст заслуживает особого внимания хотя бы потому, что это редкий случай записи спонтанной беседы собирателя и информанта того времени. Технически сделать в то время дословную запись было трудно: «сглаженный» характер текста выдает запись по памяти (в лучшем случае, она была сделана в тот же день). Не исключая наличие элементов художественного вымысла, мы полагаем, что суть диалога вполне могла сохраниться.

Текст начинается с пояснения собирателя, описывающего почет и гостеприимство, оказанное путникам; далее – знакомство и сам диалог. Зайсан заводит беседу о комете, которую наблюдал уже несколько ночей, спрашивает объяснение значения этого явления у собирателя, ссылаясь на то, что путник прибыл издалека, а значит, в курсе и небесных дел:

Орошок: Ты прибыл издалека, видел много стран и знаешь, наверное, и о делах, касающихся неба.

Не добившись от собирателя желанного объяснения, зайсан подозревает у собеседника злой умысел – скрыть правду о небесах.

Орошок: Хотел бы я тебе поверить, но сдается мне, что ты собираешься обмануть меня. Уже тридцать лет живу я в моей юрте, а земля не подвинулась ни на пядь. Но скажи мне, что это за звезда, просто ты хочешь скрыть от меня правду.

Алтаец относится к исследователю как к пришельцу, обладающему сакральными знаниями (путник прибыл издалека, что, в общем, то же самое, что и свысока – а также владеет грамотой).

Я: А что, там, наверху, тоже есть злые духи?

Орошок: Ты ведь должен знать об этом лучше, чем мы, ты ведь знаешь грамоту и прочитал много книг о боге.

Настороженность и враждебность хозяина заставляет подозревать, что изначальное гостеприимство скорее имело ритуальный характер: таким образом, информант как бы пытался обезопасить себя от возможных неприятных последствий встречи. Сам же исследователь осознает наличие естественной культурной границы

и трудности её преодоления; он признается: «Я, разумеется, не мог дать ответа, который был бы ему понятен, [поэтому] он вскоре прервал этот разговор».

Совсем иная картина складывается в процессе полевого интервью на Алтае в наше время. Современный процесс возрождения этнической специфики, который переживают алтайцы, более всего сосредоточен в духовной сфере. Сформированный в начале XX в. концепт единого *Каан-Алтая* как всеобщего божества и родителя, как бы живого составляющего территории предков, толкуется в наше время расширительно: Алтаем порой называются земли далеко за географическими пределами Саяно-Алтайских хребтов. Новое понимание Алтая позволило без существенных духовных потерь включить в мифологическую картину мира новые пространства и реалии, представление о которых сформировалось в алтайской деревне с появлением более развитой инфраструктуры и сети Интернет. Нередко в интервью и родной город собирателя причисляется к Алтаю. Такое расширительное понимание Алтая отражено во множестве околонуучных и популярных публикаций различных алтайских философов, идеологов и духовных лидеров.

Мы полагаем, что новая мифология алтайского общества связана с традиционным для алтайцев явлением языкового билингвизма, формирование которого началось с появлением на Алтае первых русских переселенцев в конце XVII в. Освоение русского языка в то время стало необходимым как средство поиска своего места в русском обществе на фоне культурной экспансии. В наше время устремление алтайцев в сторону русской культуры также объясняется политическими и экономическими факторами, вынудившими избрать такое направление развития. Однако в современном Алтае фиксируется и противоположное стремление – сохранить язык и традицию: языковой билингвизм сохраняется, но предпринимаются попытки сдерживать русификацию путем введения в школах преподавания на алтайском языке и использования его в СМИ.

Важно отметить, что языковой билингвизм тесно связан с явлением, которое мы называем билингвизмом культурным, подразумевающим осознанное существование у людей двух разных типов обозначения и восприятия мира: «по-русски» (с позиций современной массовой культуры) и «по-алтайски» (с ориентацией на традиционный уклад жизни). Внутренне предпочтение отдается «алтайскому» типу. Подчеркнем, что в большей степени культурный билингвизм проявляется среди городского населения и сельской интеллигенции, жизнь которой находится под влиянием культурных изменений.

В качестве примеров, иллюстрирующих особенности строения беседы собирателя и информанта в наше время на фоне всех пере-

численных факторов, мы выбрали отдельные фрагменты из четырех интервью, записанных в недавнее время в Горно-Алтайске и Усть-Канском аймаке Республики Алтай. Мы намеренно взяли интервью, записанные разными собирателями, чтобы хотя бы до некоторой степени избавиться от зависимости хода разговора от личных качеств собирателя и выйти к более общим тенденциям.

Необходимо отметить, что в наше время в большинстве случаев статус собирателя не вызывает вопросов у информанта, эта социальная роль знакома ему и органично вписывается в его картину мира (что может быть связано с частыми посещениями данного региона исследователями разных социологических направлений).

Информант выражает готовность «перевести» значения традиционной культуры на понятный собирателю (с точки зрения информанта!) язык, используя «понятную» лексику, обращаясь к реалиям жизни собирателя и т.п. Наглядным примером этого процесса может служить фрагмент беседы собирателя с двумя ламами горно-алтайского кура. Речь идет о сущности мифологического персонажа *якша*.

[В:] Ну, Их называют *якша*.

[*Якшы?*]

[В:] Як-ша.

[С:] По-тибетски, да?

[В:] По-тибетски. [*Якша. Это как хозяин гор, да?*] Ну вот человек... человек, или корова допустим... Их... как бы *якша* назыв[ают]. Они хранители богатств... э-э... ну, как его... как его назыв... по-русски сказать-то... хранители недров... изумруды, то что... [*Покровители?*] Нет, не покровители, а хранители, они как хозяева. Вы же, например, в частном доме живете, да? У вас то, что огорожено, это ваша территория. И вы не позволите, кто зайдет там, начнет хозяйничать. Ругаться будете, для начала ругаться будете, и если человек не понимает, уже другие меры будут приниматься, вот. Они тоже, например кто-то начинает туда... и копать, там, че попало делать например... они могут наказать. [*То есть каждый хозяин имеет свой определенный кусочек земли?*] Нет, это как... конечно там, определенная территория у них есть. Другой территории вот, например, хозяева местности есть же. Например, здесь есть хозяин Алтая, так скажем, да? [*Как его называют?*]

[С:] *Ак-Пырхан* называют.

[В:] Нет я имею ввиду мирской хозяин, мирской.

[С:] У каждой...

[В:] Вот например в Москве там хозяин... не самой Москвы имеет-ся ввиду... хозяин Алтая... есть... территория же, обозначенная вот... политические карты, которые есть, это... для них это ни о чем не говорит. У них... [*У них свое деление?*] Конечно у них свое, вот. Они может быть и Алтайский край там зацепят вот так, [*показывает рукой услов-*

ную границу владения духов/Казахстан может зацепит там, Монголию зацепит. Ну, огромные территории под владением находятся¹⁴.

Общая стратегия объяснения того, что такое *якша*, сводится к противопоставлению существования МЫ (люди) и ОНИ (духи); объяснение сводится к проведению границы и указанию на сходное/ различное. Информант включает в понятие МЫ и социальное окружение собирателя, приравнивая ВЫ к МЫ, упоминает Москву, объясняя таким образом концепт *якша* через известные собирателю бытовые реалии.

В следующих примерах видно, как происходит «разрастание» мифологической «карты» Алтая сквозь культурные и географические пределы до размеров целого мира. Заметим, что в эту картину мира включаются знания, полученные не через собственный опыт, а через СМИ, книги и другие дистанционно доступные источники информации (т.е. как бы «заочно»). Информант конструирует особый мифологический локус, центром которого становится, по традиции, гора Белуха (*Уч Сумер*¹⁵), и помещает туда основателей всех мировых религий – Христа, Магомета и Будду:

Белуха... это... гора, на котором ступали... боги. Это... для нас не понятно, дело в том, что есть верховный бог, а есть божественная иерархия, лестница Иакова называется. Боги... это владыки Шамбалы, они боги. Есть верховный бог. Они... через них служат на земле. Иисус Христос там был, что он там оставил. И Магомет там был, кинжал оставил. [*На Уч-Сумер, да?*] Да, *Уч-Сумер*¹⁶.

Ср. тот же мотив «концентрации» мира вокруг Алтая и гора *Уч Сумер* как сакральный центр Вселенной в другом интервью:

Все люди мира отсюда ушли. [*нрзб.*] Ваши пра-пра-пра-пра... все ушли отсюда [*с Алтая*] [*дублирует все сказанное по-алтайски*]. Француз бол¹⁷, еврей бол, негр бол все албаты бу Атлай [*нрзб.*] [*алт. «народы Алтая»*]¹⁸.

Интересна точка зрения информанта на стратегию поведения приехавшего на Алтай человека из инокультурной среды. В следующем фрагменте речь идет о деятельности современных миссионеров-протестантов, промежуточные цели которых, как и положение в алтайском обществе, вполне схожи с целями и положением собирателя: изучение культурных текстов, традиционных ценностей и общественного устройства с позиции «чужака». Информантка подчеркивает следующее:

Все эти иностранцы, ну скажем так да, в общем [*нрзб.*] они разные, все-е начинают учить язык. Вот вот это мне имен[но] нравится, потому что я понимаю что... чтоб изучать культуру, надо понимать язык. [...] И потом вот... я знаю, что например особенно алтайцы да деревенские, они всегда... это тоже этим берешь¹⁹.

Собеседница отмечает, что «чужак» сознательно стремится уподобиться алтайцу и даже идет на прямое подражание: «я вижу, что она [знакомая информантки, приезжая]... ну как... подражает нам, она хочет как мы».

Развитием темы «чужака-подражателя» становится определение статуса собирателя как далекого кровного родственника, забывшего свои корни: в такой модели все люди мира рассматриваются как дети Алтая. В следующих фрагментах информантка указывает истинные с ее точки зрения мотивы пребывания собирателей на Алтае.

Аилчылар, гости? [Гости, да. – К.С.] Но в то же время вы мои... пра-пра-пра... вы мои правнучата!

Вот. Слердын родной... жерер бу Алтай Уч-Сумер [Еје.] Уч кудайдан барган бала-барка слер. Слер ондобас керек! Одноба.. еје? [алт. «Ваша родная земля – это Алтай, Уч-Сумер.» – «Да.» – «Вы дети богов. Это не надо забывать! Не надо, да?») [Ондобас керек? Надо понять?] Нельзя забывать! Что вы отсюда! Не знаю сотый родитель, кто ли, отсюда ушел. Вы дети этой земли. Айлаган? [алт. «понятно?») Вы дет... [Поэтому мы сюда и едем! ☺] Во...[нрзб.] Слер вы жердин бала-барка [алт. «Вы дети этой земли»]...дети вы этой алтайской земли, алтайской жер.

Хорошо, что вы едете сюда... [...] Все люди мира одни мы. Бис Алтай, Алтай албаты [алт. «мы все народ Алтая»], все мы родственники.

Слерде кем жадар биске, бу, хранительдер очактын улuzu бис. Мы хранители очагов алтайцы. А вы... дети наши, приходите сюда. [Спасибо! ☺] Айлаган, балам? [Айладым. ☺] [алт. «Понял, дитя мое?» – «Понял.»] Вот. [Нрзб.] Мы храним очаг, а вы дети наши. Все люди мира наши дети. Айлагам балам? [Айладым. – К.Р.] Вот так. [☺ ☺ – К.Р.] Вот балам молодец! ☺²⁰.

Итак, мы видим, как выстраивается особая мифологическая модель сакрального Алтая, концентрирующая весь окружающий мир вокруг символической горы-центра. Собиратель (представитель «другого племени») включается в эту мифологическую модель и находит в ней свое место на периферии, как младший потомок алтайской земли по отношению к старшему (самим алтайцам) или/ и как подражатель по отношению к оригиналу (обе модели структурно схожи). Немаловажно отметить стремление информанта объяснить собирателю истинное понимание вещей, как бы наделить его «правильным» знанием об Алтае, алтайцах и о его собственном статусе.

Подводя итог, отметим, что сегодня собиратель и информант на Алтае занимают особые позиции по отношению друг к другу. Зачастую они имеют одинаковый уровень образования и схожий образ жизни и быт. Собиратель все чаще становится «почти своим»:

в диалоге он оказывается в роли дальнего родственника, подражателя, «некомпетентного» исследователя – т.е. человека, которого напрямую касаются проблемы национальной и культурной идентичности алтайцев. Таким образом, собиратель включается в процесс решения задачи национальной самоидентификации. Информант занимает позицию интерпретатора традиционного знания, пытаясь активно повлиять на мысленную картину исследователя.

Примечания

- ¹ Совместная экспедиция аспирантов РГГУ (Москва) и Практической школы высших исследований (École pratique des hautes études, Франция) в Горно-Алтайск, Усть-Канский и Онгудайский аймаки Республики Алтай (25.06.12 – 09.07.12), участники: К.Е. Сычёва, аспирант УН ЦТСФ РГГУ, Москва; К. Жакмо, аспирант Практической школы высших исследований, Франция; при поддержке НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова, Горно-Алтайск. Экспедиция в Горно-Алтайск и Усть-Коксинский аймак Республики Алтай в рамках стажировки по Программе стратегического развития РГГУ в 2012 г. (26.11.12 – 9.12.12), участник: К.Е. Сычёва, аспирант УН ЦТСФ РГГУ, Москва.
- ² Шепанская Т.Б. Полевик: фигура и деятельность этнографа в экспедиционном фольклоре (опыты автоэтнографии) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Том VI. № 2. С. 166 – 167.
- ³ Панченко А.А. Инквизиторы как антропологи, антропологи как инквизиторы // Живая старина. 2001. № 1. С. 7.
- ⁴ Шепанская Т.Б. Указ. соч. С. 176.
- ⁵ Панченко А.А. Указ. соч. С. 8.
- ⁶ Шифман О.М. «Лицом к лицу»: из опыта полевой коммуникации // О своей земле, своей вере, настоящем и пережитом в России XX – XXI вв. (к изучению биографического и религиозного нарратива) / Под ред. Г.Б. Смилянской. М., 2012. С. 18, 29.
- ⁷ Сморгунова Е.М. Что же такое «устный нарратив» и что мы от него ждём? Заметки участника археографических экспедиций // О своей земле, своей вере, настоящем и пережитом в России XX – XXI вв. (к изучению биографического и религиозного нарратива) / Под ред. Г.Б. Смилянской. М., 2012. С. 36.
- ⁸ Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника / Пер. с нем. К.Д. Цивинной и Б.Е. Чистовой. – М.: Наука. Глав. редакция восточ. лит.-ры, 1989. – (Этнографическая библиотека). С. 64.
- ⁹ Там же. С. 406
- ¹⁰ Там же. С. 192.
- ¹¹ Там же. С. 98.
- ¹² Там же. С. 489.
- ¹³ Там же. С. 219 – 220.
- ¹⁴ Интервью с ламами Валерием (ок. 30 л., хакас) и Сарымаем Урчимаяевым (ок. 30 лет, род. в с. Кулада, исполнитель этнической музыки). Запись сделана 27.06.2012 в Горно-Алтайске; соб. К.Е. Сычёва.

- ¹⁵ *Уч-Сумер* – алт. «три вершины»; традиционное название сакральной горы, символизирующей центр мира в алтайской мифологической системе.
- ¹⁶ Интервью с Самыковым Василием Тордоевичем (72 г., род. в с. Каспа, поэт, переводчик). Запись сделана 23.08.2012 в Горно-Алтайске; соб. Д.Ю. Доронин.
- ¹⁷ В рамках данной публикации приведены примеры текстов, скомбинированных из алтайских и русских слов (или отдельных морфем) – в таких случаях дан перевод с алтайского только содержательно значимых фраз и выражений (за исключением тех, которые дублирует по-русски сам информант).
- ¹⁸ Интервью с Теркишевым Эмилем (30 л., род. в с. Усть-Кан, исполнитель горлового пения) при участии в беседе хозяйки айла бабушки Жергал (60 л., род. в с. Жоло, пенсионерка). Запись сделана 06.08.2012 в дер. Жоло Усть-Канского аймака; соб. К. Жакмо; в качестве слушателя в беседе принимала участие К.Е. Сычёва.
- ¹⁹ Интервью с Чукиной ...
- ²⁰ Интервью с Теркишевым ...

Из лингвистических архивов

А.А. Реформатский

Александр Сергеевич Орлов Публикация и вступление М.А. Реформатской

Воспоминания об университетском учителе автора, историке древнерусской литературы. Даны подробности московского быта начала 1920-х годов. Сделана попытка воспроизвести разговорную речь А.С. Орлова.

Ключевые слова: Историко-филологический факультет Московского университета в начале 1920-х годов; работы по упорядочению орфографии в 1930-е годы; отношение А.С. Орлова к Д.Н. Ушакову, Н.К. Пиксанову и С.П. Обнорскому.

От публикатора

Александр Александрович Реформатский осознавал себя укорененным в жизни, культуре, науке благодаря присущему ему чувству связи поколений – учителей с учениками. Оно ярко отразилось в серии его очерков об учителях гимназической и университетской поры. Он не предназначал их для печати, не шлифовал, не подвергал автоцензуре, словом, писал как Бог на душу положит, перемежая серьезное с потешным, литературно дозволенное с ненормативным: только бы не упустить живые детали, позволяющие восстановить обстановку общения с многими колоритными и милыми его сердцу людьми. Надеюсь, что и читателям этой книги будет любопытно познакомиться с воспоминаниями об одном из его учителей А.С. Орлове, «незабвенном учителе, чудаке и остролове».

М. А. Реформатская

* * *

Среди моих университетских учителей особое место занимает Александр Сергеевич Орлов, человек очень талантливый и zelo примечательный. В молодости был, судя по рассказам, большим донжуаном и успех имел. А про его женитьбу рассказывал мне Дмитрий Николаевич Ушаков так. Дочь очень богатого купца, Мария Митрофановна, решила выйти за Орлова. Это был скандал и sui генерис «мезальянс» в купеческом доме. Дочь все же сломила сопротивление

отца. Тогда он повез ее в Рогожскую бить поклоны. Дочь бьет, а отца спрашивает другой туз: «Митрофан, чего дочь тиранить, аль грехи?» – «Нет, замуж выдаю...» – «Чем торгует?» – «Нет, студент!» – «Ох, плохи твои дела, Митрофан!» А «студент-то» вышел в академики!

Но донжуанской карьере положила конец черная оспа, которой он переболел в 1919 году. Рябины – рябинами, но, главное, – нос: он стал огромен и весь изрыт оспой (позднее, в годы, когда Орлов был уже академиком, ему сделали какую-то хитрую ринопластику, и «подправили» нос-то!)

* * *

Я познакомился с Александром Сергеевичем уже после оспы, когда я с 1920 года стал «бешено» заниматься в университете, навёрстывая упущенное в 1918-1919 гг. Я много слушал Орлова, работал у него в семинариях, сдавал ему палеографию и народную словесность, а семинарий был по курсу древнерусской литературы. Вот тут-то я и подружился с Александром Сергеевичем. Занимались мы «на антресолях», куда попадали по деревянной лесенке времен Грановского и Шевырева. Было и уютно, и интересно, и непринужденно. Поражал иной раз Орлов своими «увертюрами». Так однажды начал он с рассказа, как его и брата Серегу нянька мыла в корытце... Мы сперва обалдели, а потом поняли, как хитро А.С. подвел нас под одну манеру описания, что мы дальше и разбирали на семинарии.

У меня была тема об источниках повести XVIII века о Ярополе – забавной сюите из авантурных звеньев. А.С. толкнул меня на «1001 ночь», и я через него познакомился с этой замечательной штукой. Приходилось мне по работе заходить к нему в развалюгу у Дорогомилевского моста. Я не знаю, где в это время была Марья Митрофановна, но дома творилось у Орлова нечто невероятное: он был с утра «на парах», в подштанниках, сверх рубахи – пальто и на босу ногу шлепанцы. Нужные мне книги он искал... в бельевой корзине, где вместе с грязным бельем лежали рукописи и книги. Увидав меня, Александр Сергеевич начал экс-абрупто: «Вот, Дашка-то – молодец! Пришли к Сереге в его полуподвал, искать самогон, а Сергей трубки-то успел спрятать, ну, а Дашка-то жопой в нишу. А там у них и стояли бутылки-то. Так эти аспиды ничего не увидели. А все Дашкина жопа – ух, здорова!» Если бы я просто был студент и всё, то я бы из этого монолога ничего не понял, но я был знаком с братом А.С., профессором гигиены Московского университета, жившим в полуподвале в клинических зданиях на Царицынской (ныне Пироговской) улице, а «подругой» его была служительница Дарья. Они ловко гнали из денатуры водку, а мы были их клиентами по этой

части. Вот поэтому-то я не выпялил бельмы, а с интересом прослушал колоритный рассказ Александра Сергеевича и еще раз понял, какой он рассказчик, в чем убеждался много раз и впоследствии.

Когда я прочитал свой доклад о Ярополе, Орлов был очень доволен и мне, студенту, подарил свои книжки «Катырева Ростовского» и «Воинскую повесть»¹, которые я свято храню с его надписями.

Слышал я блестящие доклады Александра Сергеевича в Обществе любителей российской словесности и в ГАХНе, где он брал, допустим, Летопись и показывал, что это в отдельных местах настоящая поэзия, обладающая своей, особой поэтикой, которую Орлов мастерски описывал и показывал в своих выступлениях.

В начале 30-х годов А.С. Орлов был директором Музея книги, документа и письма и приезжал в Москву, которую он покинул после избрания в академики, в научно – исследовательский институт ОГИЗа, где я в то время работал. Был он тогда толков, но хитер, а в более простом кругу, вроде меня, озоровал неподражаемо. Высказывал он такое мнение об «Анне Карениной»: «Вот писал Лев Толстой там про охоту, да про Наполеонов разных – и как здорово выходило, а тут (в «Анне Карениной») такой французский блядую развел, что и не узнать его!»

Интереснее у нас были встречи во второй половине 30-х годов, когда работали две орфографические комиссии: одна в Ленинграде при Академии наук (Обнорский, Щерба, Бархударов, Филиппов, Чернышов, Ляпунова, Истрина, Ляпунов), другая в Москве, при Ученом комитете Наркомпресса (Ушаков, Аванесов, Реформатский, Сергиевский, Сухотин, Шапиро). В 1936 году по обоюдному желанию была организована объединительная сессия в Ленинграде в «Де-Сьянс», как говорил А.С. Орлов (откуда и я эту номенклатуру подхватил).

Когда мы приехали в Питер – Ушаков, Сухотин и я – нас встречал на перроне сам председатель А.С. Орлов! Он был в белом картузе, как мороженщики носят, и в долгополом пальто: вид – комический. Повез он нас в Дом ученых (тогда это было приличное заведение с отдельными номерами и прекрасным рестораном, не то что теперь – этот Дом престарелых пердунов, без умывальников и ресторанов), сам сел рядом с шофером, а мы – сзади. И вот на Невском в течении беседы он оборачивается и говорит: «Дай только волю Сергею Петрову (это – Обнорский), он и ЖОПУ прикажет писать через Ё: ЖЁПА. Как красиво!»

Любопытно, что спустя 18 лет Л.А. Булаховский, услав Татьяну Даниловну из своих антресолей на даче (где мы с А.А. Белецким были у них в гостях), рассказал мне эту «новинку»! До чего же я смеялся, да и Леонид Арсеньевич тоже, когда я сказал ему, что был живым свидетелем этого «жепного» случая!

Александр Сергеевич был председателем этой объединенной сессии. Председательствовал он очень своеобразно: по преимуществу – спал! Но во время мог дать слово следующему и удивительно толково подводил итоги. А спал-то и с храпом! Говорят, что Орлов не мог спать на заседаниях только под отвратительно скрипучий голос Н.К. Писанова (которого А. С. звал не иначе, как «Пиксафон»). Тут дремлющий председатель начинал обычно довольно громко материться, а на увещания близидящих, что де слышно все, и Николай Кирьякович может услышать, отвечал: «Пускай услышит, так ему, мудаку, и надо!»

Во время сессии было много примечательного. Постоянно пикировались Щерба и Чернышов. Щерба за глаза называл Василия Ильича «учитель церковно-приходского училища», а Чернышов – Льва Владимировича «барин с фантазией». Они математически «исключали» друг друга.

А с Борисом Михайловичем Ляпуновым были такие эпизоды. Меня представили ему в первый же день. Борис Михайлович спросил: «А не Александра ли Николаевича сынок будете?» – «Да, Борис Михайлович». Далее шли воспоминания казанских и других времен и вдруг: «А что папенька-то: жив али помер?» – «Жив, Борис Михайлович». – «Вот и хорошо!». И каждый день, встречаясь, Борис Михайлович спрашивал: «А что папенька-то: жив али помер?» В одно из заседаний пришел Борис Михайлович с подвязанной щекой и как всегда две пары очков, а места уже за столом и нет! Стол стоял перпендикулярно к окну, выходившему на Петропавловскую крепость. Окно было открыто внутрь, а это огромное зеркальное стекло. Обойдя стол до окна, решил пройти между окном и столом на другую сторону, а окна-то и не приметил! И тыкается в него, как бабочка на лампу. Поняв же, я быстро встал на четвереньки и шмыг под окно! Сзади его подхватил Абрам Борисович Шапиро, а «принимал» его я. Борис Михайлович приблизил свои глаза к моему лицу и говорит: «Никак Ляксан Ляксаныч? А что папенька-то: жив али помер?»!

На последнем заседании шла речь об орфографических случаях с *ц* и шипящими и стоящим рядом с ними гласными. Щерба привел пример, не подходящий под выработанное правило: «муха-цокотуха». Борис Михайлович сейчас же подал реплику: «А комар – пискун». Когда же зашла речь о написании шипящих в глаголах, то Борис Михайлович мечтательно заметил: «А в старину-то писали «ж»: ЕЖЬ». Орлов ему резонно заметил: «Борис Михайлович! Да ведь последними-то так писали Кирилл и Мефодий!»

Сессия прошла очень удачно. Орлов нас, москвичей, всячески поддерживал: уж очень ему хотелось отомстить «Сергею Петрову» за ЖЁПУ!

В Москве на каком-то отчетном собрании Гуманитарной секции АН СССР Орлов еще раз нахваливал нас в пику официальной части АН, а в кулуарах рассуждал так: «Вот, как это у лингвистов зовется: «выветривание семантики», что ли? Так вот и тут: мы с Митькой (это Дмитрий Николаевич Ушаков, а они были однокурсники) все думали по молодости «Де-Сьянс, Де-Сьянс!», а на поверку-то одни колонны остались».

Помню, заходил я как ученый секретарь к Орлову в Трубниковский, 26, где у него была московская квартира. Принимал он меня в подштанниках и в пальто, как бывало в развалюге у Дорогомилевского моста, и, конечно, под банкой! Зашел разговор об Обнорском, с кем было очень трудно работать в объединительной орфографической комиссии из-за его консерватизма, упрямства и непонимания того, что когда-то давно понимал Бодуэн де Куртенэ и прекрасно чувствовал Ушаков. А близились выборы в академики, и стояла кандидатура Обнорского. Я говорю: «А все-таки Сергей Петрович удивительно бесчут к языку!» – «Да он не бесчутый, а безмудый! Не пушу я этого мерина в кресло!» (Это речь об «академическом кресле»). Увы, Александр Сергеевич не сдержал своего слова и «пустил мерина в кресло». А я на этом «мерине» впоследствии шибко пострадал. Как-то дошел «мерин» до Обнорского, и что де это я изобрел. Обнорский долго и иезуитски мне мстил: из Орфографической комиссии выпер и вообще от орфографии меня отшил, и в Университет не пускал во время войны, когда он переехал в Москву и заведовал кафедрой в Московском Университете, хотя милейший Лев Владимирович Щерба и прилагал все усилия, чтобы меня вовлечь в Университет.

Последнее воспоминание у меня связано с Александром Сергеевичем в последний год его жизни. Он находился в Узком, уже сильно рамолизованный и больной. Ездили мы на машине с Машкой, которой было тогда лет 8. Машку представили Александру Сергеевичу, он чего-то бормотал и улыбался, а Машка потом и говорит: «Папа, а ты заметил, что у дедушки Орлова из штанов торчала рубашка?» – «Заметил». – «А это у всех академиков из прорешки торчат рубашки?»

Через несколько месяцев этот озорной, талантливый и удивительно чуткий к языку человек умер. Спасибо ему за очень многое, что я воспринял от моего учителя за 25 лет нашего знакомства!

10–11 апреля 1960.

Примечания

¹ Имеется в виду: Орлов А.С. О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI-XVII вв. СПб., 1909; Орлов А.С. Повесть Катыева-Ростовского и Троянская история Гвидо де Колумна // Сборник в честь М.К. Любавского. Пг., 1917. (прим. ред.).

Лингвистический быт Москвы 1920-х годов и искусство речевого портрета в мемуарном очерке А.А. Реформатского

Характеризуется значение мемуарного очерка А.А. Реформатского для изучения становления первого послереволюционного поколения московских лингвистов. Показано своеобразие этих мемуаров как лингвистического документирования речевой манеры автора и героя воспоминаний.

Ключевые слова: филологическая подготовка студентов-лингвистов; междисциплинарные связи в развитии московской лингвистики 1920-х годов; достоверность передачи прямой речи в мемуарах.

В контексте истории московской лингвистики имя историка древнерусской литературы Александра Сергеевича Орлова до сих пор всплывало лишь в связи с приписываемым ему обозначением «ушаковские мальчики». Теми, кого он так назвал, ироническая формула была воспринята как знак отличия и предмет гордости¹, а для последующих поколений превратилась чуть ли не в историко-научный термин.

Одно это обстоятельство должно было бы побудить историков нашей науки увидеть в А.С. Орлове не просто меткого остролова, но и по крайней мере заинтересованного наблюдателя деятельности молодых московских лингвистов, группировавшихся в конце 1920-е и 1930-е годы вокруг Д.Н. Ушакова. Публикуемый в этом номере мемуарный очерк А.А. Реформатского свидетельствует, что А.С. Орлов был для этого лингвистического поколения в определенной степени учителем, причем в обоих смыслах этого слова: и как преподаватель, и как ученый.

Прежде, чем стать академиком, переехав в 1931 г. в Ленинград, и сосредоточиться на научной и организаторской работе, А.С. Орлов больше 20 лет преподавал на кафедре истории русской литературы в Московском университете. Но даже историографы этой кафедры его характеризуют исключительно как исследователя, одного из первооткрывателей художественной специфики русской средневековой словесности.²

В очерке А.А. Реформатского Орлов показан прежде всего как преподаватель, притом увиденный именно глазами студента и в годы, может быть, самые трудные для филологического образования в Московском университете. Мы узнаем о некоторых методических приемах Орлова, стиле его общения со студентами, колоритных деталях скудного быта начала 1920-х годов, о том, какую фундаментальную филологическую подготовку получали будущие зачинатели Московской фонологической школы и лингвистического структурализма.

Рассказывает Реформатский и об относящихся уже к середине десятилетия научных выступлениях Орлова. Для истории языкознания в его рассказе примечательны два момента. Во-первых, учреждения, где мемуарист слушал своего недавнего преподавателя: Общество любителей российской словесности и особенно Государственная академия художественных наук. Молодые московские языковеды не замыкались в своей узкой специальности, но активно включались в созидание нового междисциплинарного гуманитарного знания.³

Во-вторых, Александр Александрович подчеркивает умение Орлова вскрыть «особую поэтику» летописи. Такое умение немислимо без систематического внимания к словесной ткани текста. Не будет слишком смелым предположить, что и в своей педагогической работе Орлов не только формировал историко-литературный кругозор студентов, но и пробуждал в них живое чувство русского слова, лингвистическое чутье.

Таким образом, публикуемые воспоминания выводят А.С. Орлова из рамок одной лишь историко-литературной науки и заставляют нас присмотреться к его роли в научном становлении первого революционного поколения московских языковедов. А сообщаемые Реформатским подробности и ранее неизвестные факты об участии Орлова в орфографических баталиях середины 1930-х годов дают право и на постановку вопроса о собственных взглядах ученого на проблемы современной русской речи. Такая постановка будет тем более оправданна, что А.С. Орлов успел опубликовать некоторые наблюдения над речевой практикой своих современников.⁴

Однако своеобразие, значение и – смело сказать – озорное очарование мемуарного очерка Реформатского далеко не исчерпываются его фактической стороной, его источниковедческой ценностью. Перед нами удивительный образец речевого искусства мемуариста, фактически – двойной речевой портрет двух замечательных мастеров русского слова: того, о ком вспоминают, и того, кто вспоминает.

Из-за запоздалой публикации воспоминания Реформатского вынужденно будут восприниматься читателем на фоне созданных

почти на 20 лет позже воспоминаний об Орлове Д.С. Лихачева.⁵ Сравнение с этим глубоко человечным и значительно более подробным мемуарным портретом могло бы оказаться невыгодным для краткого очерка Реформатского. Но читатель легко убедится, что два написанных в совершенно разной манере портрета прекрасно дополняют и подтверждают друг друга.

И дело тут не только в том, что Лихачева судьба близко свела с Орловым как раз тогда, когда общение Реформатского со своим учителем стало эпизодическим. Мемуары Реформатского зримо передают то, с чем Лихачев тоже столкнулся вплотную, но о чем смог только кратко сообщить: неповторимо оригинальную устную речь Орлова, своеобразие его стиля общения.

Д.С. Лихачев вспоминал: «... в пору своего пребывания в Академии он был «великий ругатель». Особенно любил он стать на площадке второго этажа Пушкинского Дома так, что его было слышно всюду <...>, и балагурить, давая острые характеристики всем ‘старшим’». Ни одной из этих характеристик Лихачев не привел, поскольку «при всей своей меткости они были несправедливы и иногда очень оскорбительны».⁶

Реформатский не только сохранил для нас одну из этих характеристик «старших», относящуюся к тому же «академическому» периоду, про который вспоминает Лихачев⁷, но он запечатлел для нас ту почву, на которой произрастали эти «цветочки»: крепкую, сочную устную речь своего учителя. Сделать это ему было тем легче, что он познакомился с Орловым на 15 лет раньше, и не в академических учреждениях, а в холодных аудиториях и в разваленном жилище в Москве 1920 года, и сложившийся там стиль общения сохранился между учителем и учеником до конца.

Но к передаче устной речи в мемуарах издавна существует стойкое предубеждение: разве можно в течение стольких лет помнить слова другого человека? Как Реформатский выходит из этого принципиального для мемуарного жанра затруднения? Во-первых, все приводимые им реплики Орлова сравнительно коротки, что должно было благоприятствовать запоминанию. Во-вторых, у всех таких реплик характерное для устной речи синтаксическое построение. В-третьих, в них присутствуют типичные для разговора способы номинации: грубоватые уменьшительные формы семейных имен, слова типа *аспиды* и др. Все эти черты делают воспроизводимую речь Орлова живой и достоверной. Что помогало тут Реформатскому: ухо лингвиста или чутье художника (напомним, в 20-е годы он пробовал себя в художественной прозе⁸), – в конце концов не так уж и важно: речь героя воссоздана, а победителей не судят.

Те, кто помнят устную речь самого Реформатского или знают о ней из исследований⁹ и воспоминаний, без труда увидят в ней определенное сходство с речью его учителя. Было ли то результатом сознательной (поначалу) ориентации или просто следствием типологического сходства, судить преждевременно (а то и вовсе невозможно). Пока же обратим внимание на то, с какой полнотой и свободой запечатлелась в слоге воспоминаний личность самого Реформатского. Это безусловно полноценная письменная речь, но до чего же органично сочетаются в ней самые разные регистры и ресурсы русского языка, от площадного слова до научной терминологии! Думается, тут есть над чем потрудиться будущим исследователям...

Примечания

- ¹ См.: *Винокур Г.О.* Жизненный путь Д.Н. Ушакова // Известия Российской Академии наук. Серия лит. и языка. 1992. Т. 51. № 3. С. 69-70.
- ² *Смирнов А.А.* Кафедра истории русской литературы // Филологический факультет Московского университета: Очерки истории. 3-е изд., испр. и доп. М.: Изд. Моск. ун-та, 2007. С. 49-50.
- ³ Связь с ГАХН Винокура хорошо известна. В отношении Реформатского см.: *Иванова Е.А.* Научный и институциональный контекст формирования лингво-семиотических взглядов А.А. Реформатского // Известия Российской Академии наук. Серия лит. и языка. 2011. Т. 70. № 3.
- ⁴ См. в частности: *Орлов А.С.* Академик А.Н. Крылов – знаток и любитель русской речи // Вестник АН СССР. 1946. № 1.
- ⁵ *Лихачев Д.С.* Академик Александр Сергеевич Орлов и Варвара Павловна Адрианова-Перетц.: Страницы воспоминаний. Изд. 2-е // *Лихачев Д.С.* Прошлое – будущему: Статьи и очерки Л.: Наука, 1985.
- ⁶ Там же. С. 409-410.
- ⁷ Это орловская характеристика Н.К. Пиксанова. Не подвергая сомнению его научные заслуги, укажем все же, что она находит определенные аналоги и подкрепления в свидетельствах современников и в архивных документах. Ср. письмо Г.О. Винокура Р.О. Якобсону от 18 октября 1925 г. // Новое литературное обозрение. 1996. № 1. С. 93. *Пиксанов Н.К.* Выступление в ИМЛИ им. А.М. Горького на защите диссертации М.М. Бахтиным 15 ноября 1946 г. // *Паньков Н.А.* Вопросы биографии и научного творчества. М.М. Бахтина. М.: Изд. Москв. ун-та, 2010. С. 199-202.
- ⁸ Образцы этой прозы в 2015 г. опубликует журнал «Наше наследие».
- ⁹ См.: Опыт исследования языковой личности А.А. Реформатского // Язык и личность. М.: Наука, 1989, особенно главы об устной речи Е.В. Красильниковой и о домашнем общении М.А. Реформатской.

Московские лингвисты

И. Мельчук

Слово о Музе

Воспоминания о известном редакторе и организаторе издания переводов лингвистической литературы Музе Александровне Обориной. Рассказано о её роли в подготовке русского перевода «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера, о многолетней борьбе за выпуск однотомника лингвистических трудов Р. Якобсона.

Ключевые слова: идеальный редактор, В.А. Звегинцев как издатель переводной литературы по лингвистике.

На этом свете мало что можно назвать идеальным, но Муза Оборина была идеальным редактором, редактором Божьей милостью. Профессия редактора фактически вымерла за последние десять-пятнадцать лет, но в пятидесятые – семидесятые годы прошлого века в Москве она была в самом расцвете. Говорю я здесь исключительно о редакторах научной литературы, ибо с редакторами беллетристики я знаком не был и знал о них лишь понаслышке. А вот с редакторами научной литературы я имел дело часто и много. Вообще-то этих редакторов мы, авторы, недолюбливали – они придирались зря, всегда искали скрытую крамолу, а пользы от них было мало, так как уровень их подготовки и общей культуры оставлял желать лучшего¹. Но Муза Александровна была безупречна: она проверяла не просто каждое слово, но и каждую запятую – проверяла на точность эквивалента, на последовательность, на логичность изложения. Иностранных языков она толком не знала, но проводила долгие часы с переводчиками, обложившись словарями... Её добросовестность и тщательность до сих пор – т. е. полвека спустя! – вызывают моё удивление. Обидно, что такой самоотверженный и полезный труд не получил должной оценки...

Да будет мне позволено рассказать здесь несколько баек, связанных с деятельностью М. А. Обориной.

Этимологический словарь русского языка М. Фасмера. Муза Александровна редактировала выполненный О.Н. Трубачёвым перевод на русский язык «Этимологического словаря» Макса Фас-

мера, каковой и сейчас остаётся главным источником сведений по этимологии русской лексики. Это редактирование представляло колоссальные трудности: словарная картотека Фасмера, которую он составлял всю жизнь, сгорела в 1944 году при бомбардировке Берлина, и автору пришлось восстанавливать её, не имея доступа к первоисточникам в СССР. А в словаре десятки тысяч ссылок на редчайшие публикации. Выверка всех ссылок на русские источники была выполнена (совместно с Л. Гиндиным) Обориной! Уже одного этого подвига было бы достаточно, чтобы войти в историю. Но Муза провела еще целую серию отчаянных боёв за сохранение в словаре **всей** лексики, ибо начальство категорически запретило все «неприличные» слова. (Забавно, что главным противником включения в словарь обценных выражений был его редактор, серьёзный профессиональный филолог Борис Ларин.) Том 2 начинается на Е, так что самый популярный русский глагол оказался слишком на виду и был свирепо выкинут. Хитрая Муза решила тогда спасти хотя бы ЖОПУ – в те времена слово абсолютно непечатное (жопа была, а слова не было, как мы знаем из популярного в своё время анекдота; за прошедшие с тех пор 50 лет жопа обрела всенародное признание и спокойно вошла в нормальную разговорную речь). Ради этого, Оборина распихала соответствующую статью по сноскам в разных других статьях, надеясь, что цензоры будут читать сноски менее внимательно (да и шрифт там мелкий!). Но увы, ЖОПА была обнаружена, а Муза – насколько я помню – схлопотала выговор по партийной линии. Но в самом конечном итоге справедливость восторжествовала: не знаю, каким образом, но ЖОПА попала-таки на свое место в словаре...² (Надо признаться, что Муза была убеждённым коммунистом и членом партии, т. е. КПСС. Это было возможно только в силу сложности нашей натуры, ибо человек она была совершенно порядочный и действия коммунистов обычно не одобряла. А вот поди ж ты...)

Перевод избранных трудов Якобсона. Где-то в конце 1950-х годов, профессор Владимир Андреевич Звегинцев, заведующий лингвистической редакцией издательства «Иностранная литература» (позже «Прогресс»), затеял издание «Избранных трудов» Романа Якобсона в русских переводах. Он переговорил об этом с самим Якобсоном во время его приезда в Москву в 1958-ом году на очередной съезд славистов – и работа закипела. Звегинцев поручил мне собрать группу переводчиков и первично редактировать переводы для придания им необходимого единообразия. (Хотя в личном плане Звегинцев меня на дух не переносил, но он ценил мои знания и хорошие переводы; вообще человек он был очень приличный – беспартийный завкафедрой в Московском университете в те годы был

крайней редкостью. Это именно он создал в университете Отделение структурной и прикладной лингвистики – знаменитый ОСИПЛ. А потом он себя прекрасно держал при изгнании из университета В.В. Иванова и меня в 1958 году – но это совсем другая история.) Работа шла медленно: переводы отправлялись по почте в Бостон, вычитывались Якобсоном, исправлялись и снова целые простыни вопросов и замечаний плыли через Атлантику в обе стороны. Издательским редактором этих переводов была, разумеется, Муза Оборина. Наконец, в 1963 году, на конгрессе славистов в Софии, я смог повидаться с Якобсоном и утрясти последние проблемы. Но тут Звегинцев ушёл – или, точнее, был уйдён – с поста заведующего. Его сменил Николай Чемоданов³, бывший мужем злобной и хитрой Мирры Гухман. (Это она писала в 1951 году, что сочинения всяких там Блумфилдов помогают американскому правительству оболванивать парней, которых гонят умирать в Корею. А в 1968 заявила на институтском собрании, что она лично расстреливала бы тех, кто протестовал против советского вторжения в Чехословакию.) Вдвоём они стали изо всех сил тормозить издание якобсоновского сборника – и протянули время до 1968-го года, когда после «Пражской весны» Чемоданов написал письмо в Центральный Комитет КПСС, советуя отменить публикацию сборника, поскольку Якобсон не поддержал советскую интервенцию, да и вообще он что-то вроде агента ЦРУ. Сборник был отвергнут, все копии рукописи уничтожены; но деньги переводчикам заплатили. Так вот, Муза добыла и принесла мне копию этого письма! Для сведения: в 1985 году, издательство «Прогресс» всё-таки выпустило «Избранные работы» Романа Якобсона – в новых переводах и с прекрасной вводной статьёй В.В. Иванова. Редактировала эту книгу Муза Александровна Оборина!

Организация экскурсий. Энергичная и чёткая, Муза Оборина выделялась своей активностью в плане организации автобусных экскурсий по историческим и культурным памятникам России. Сейчас невозможно себе представить себе, сколько крови стоило устроить трёхдневную экскурсию в какой-нибудь северный монастырь. А она устраивала их регулярно...

Потенция не может рассматриваться как импотенция. Эта история – не столько про Музу Оборину, сколько про меня в связи с ней. С начала 1960-х годов упомянутый выше В.А. Звегинцев начал издание серии сборников «Новое в лингвистике», где печатались произведения современных западных («буржуазных») лингвистов, некоторые интересные, а некоторые – совсем нет. В целом, однако, это было замечательное начинание: советские лингвисты получили

доступ к тому, что еще какие-нибудь 10 лет назад было категорически запрещено. В числе многих других Звегинцев привлек к переводческой деятельности и меня. Мне был доверен перевод книжки профессора Эухенио Косерю «Синхрония, диахрония и история», изданной по-испански в Монтевидео в 1958⁴. Я взялся за эту работу сугубо ради денег – мне и Лиде негде было жить – и героически трудился над переводом в крохотной комнатке, которую мы снимали у двух незамужних ткачих с бесконечным числом детей. В этой комнате не было ничего, кроме кровати и ... швейной машинки, на каковой я писал по ночам перевод, сидя на кровати. При этом меня одолевали клопы: их было там несметное количество. Да и текст, подлежащий переводу, злил меня необычайно: пустое, напыщенное разглагольствование. Чтобы отвести душу, я время от времени вставлял в него бессмысленные фразы, от чего он не делался более бессмысленным. Так вот, большинство моих вставок было обнаружено Музой при редактировании, хотя испанского языка она не знала! Но одна всё-таки проскочила: см. «Новое в лингвистике», III, 1963, Издательство иностранной литературы, Москва, стр. 168, строки 11-10 снизу. Вот получившийся текст, где моя вставка выделена полужирным шрифтом: «Исторически же, напротив, потенция предшествует акту. **При этом потенция не может рассматриваться как импотенция.** Поэтому необходимо связать свободу с историчностью». Я так и не рассказал Музе о моей проделке. А теперь уже поздно... (Замечу, что перевод Косерю принес мне достаточную сумму, чтобы заплатить первый взнос за кооперативную квартиру – на Сиреневом бульваре, на северо-востоке Москвы, где мы с Музой ещё не раз работали за раскладным красным пластиковым столиком на кухне.)

Последний раз я видел Музу лет 10 назад: она почти ослепла, но разом её был светел и характер был виден. Её внучка жила в Эквадоре (замужем), и Музин правнук регулярно приезжал в Москву – поддерживать русский язык. С какой радостью и теплотой рассказывала она о нём...

Вспоминать о Музе и говорить о ней приятно. Боюсь, что таких людей больше не делают.

Благодарности

Спасибо Ю. Апресяну, С. Гиндину, М. Гловинской, Л. Иорданской и Н. Перцову, прочитавшим мой текст и предложившим ряд поправок, каковые я с признательностью принял.

Примечания

- 1 Не могу удержаться, чтобы не вспомнить три примера редакторской деятельности в СССР.
- I. Где-то в конце 1960-х годов главная редакция издательства Академии Наук разослала по институтам Академии циркулярное письмо. В нём авторам предписывалось тщательнее вычитывать рукописи и избегать разнобоя – например, в иностранных словах не использовать разные типы ударения, как, например, «´» и «˘».
- II. При моей попытке издать Толково-комбинаторный словарь русского языка в ВИНТИ редактор, имени которого я не знал, «выловил» в нашем тексте следующий пример: *5-го марта 1373 года великий учёный тихо заснул в своём кресле.* «– Это не пойдёт! – радовался он. – На что вы тут намекаете? Вы сами знаете, что скончался 5-го марта!» (Вспомнят ли младшие из моих сегодняшних читателей, что это день смерти величайшего изверга, когда-либо жившего на земле, – Джугашвили-Сталина?..)
- III. Другой редактор решительно искоренил в моём переводе книжки Лангендуна фразу *Президент Джонсон – империалистический мясник* (President Johnson is an imperialist butcher): «– Так нельзя про американского президента!» «– Да ведь книга-то издана в США и это пишет американский автор!» «– Ну, им можно, а нам никак нельзя; кто знает, что будет завтра!»
- 2 Справедливости ради отмечу, что героическая Муза пробила включение в перевод словаря Фасмера таких слов, как БЗДЕТЬ, ГОВНО, ПЕРДЕТЬ, СИСЬКИ/ТИТЬКИ, СРАТЬ и СЦАТЬ, каковых нет даже в Малом Академическом словаре.
- 3 Чемоданов был известен тем, что вошел в лингвистику весьма извилистым путём – как аспирант и муж профессора лингвистики Розалии Шор. Затем, женившись на некоей Фельдман и желая продемонстрировать свою прогрессивность, он добавил её фамилию к своей и стал Чемоданов-Фельдман. После смерти жены он женился на Мирре Гухман и взял ещё и её фамилию, сделавшись Чемоданов-Фельдман-Гухман. Однако советские законы не позволяли иметь более двух фамилий, так что беднягу автоматически превратили в Фельдмана-Гухмана – и случилось это в конце 1940-х годов, в самый разгар государственного антисемитизма! Так что Николаю Сергеевичу пришлось немедленно вновь «очемоданиться». Единственно доброе, что я могу сказать о Чемоданове, – это то, что антисемитом он не был. Однажды, на праздновании Нового года в Москве он здорово избил Виктора Сухотина, лингвиста-русиста, за какие-то жуткие антисемитские высказывания. – Эти сведения у меня от Александра Александровича Реформатского, который при этом присутствовал. (В 1951 году я попытался пойти на курс Чемоданова по готскому языку на филологическом факультете университета, однако после первой же лекции сбежал, поняв, что ещё час такой тягомотины – и я сам превращусь в древнего гота...)
- 4 Во время перевода книги Косерю мы в Москве не знали о его румынском происхождении, а потому его фамилию читали и транскрибировали неправильно: *Косерцу, вместо *Косерю*. Eugen Coşeriu (т. е. он, на самом деле, даже не *Косерю*, а *Кошерю*) переселился после Второй мировой войны в Уругвай, поскольку в своей родной Румынии он был до войны членом Железной гвардии – крайне националистической, мистически ориентированной, профа-

шистской партии и, видимо, опасался преследований. (К Железной гвардии примыкал также известный историк религий, писатель и философ Мирча Элиаде.) Позже Косерю переехал в Западную Германию и заведовал кафедрой романских языков в Тюбингене. Хотя он был широко известен в лингвистике, всё его творчество – сплошная философия и болтология. Впрочем, я многим ему обязан: ему понравился мой русский перевод его «Синхронии...» (он мне писал, что перевод понятнее оригинала; я думаю, что так оно и есть), и он порекомендовал мои работы известному немецкому издателю Вильгельму Финку, а тот издал мою первую на Западе книжку – *Das Wort*, 1976, München, W. Fink Verlag. Это очень помогло мне в моей последующей новой жизни... Спасибо товарищу Косерю за мои счастливые годы!

Abstracts

Y. Lander

ARGUMENTS AND ADJUNCTS IN MORPHOLOGY AND SYNTAX OF WEST CIRCASSIAN (ADYGHE)

The paper analyzes the expression of participants by morphological and syntactic means in the polysynthetic West Circassian (Adyghe) language with respect to their characteristics as arguments or adjuncts. It is shown that the distinction between arguments and adjuncts in West Circassian is gradual rather than discrete. In addition, the same participant may be introduced as an adjunct in morphology but as an argument in syntax but not as an adjunct in syntax but as an argument in morphology.

Key words: arguments, adjuncts, West Circassian, Adyghe, polysynthesis.

Liudmila O. Nanii

METAPHORICAL MEANINGS OF ATTRIBUTIVE LEXEMES IN SEMANTIC FIELD OF CURVATURE (IN RUSSIAN, ENGLISH AND CHINESE)

This study is focused on the metaphorical meanings of adjectives in semantic field 'curved-skewed' in Russian, English and Chinese. Patterns discovered in the vocabulary of that field support the hypothesis of universality of metaphorical mechanisms in different languages.

Key words: curved, skewed, Chinese, typology, semantic field, metaphorical meanings.

Iya V. Nechaeva

SOME FEATURES OF THE EXISTING SPELLING CODIFICATION AND THE REALITIES OF MODERN WRITING

The paper analyzes the current situation in the area of assimilation of loanwords in writing. The question is raised of the linguistic criteria and factors that are important in determining the spelling of the word. We identify and analyze the existing principles of orthographic normalization, such as the unity of the graphic form of the words, the imperative to codify rules, a unification attitude, the absence of gradations in spelling rules, and minimalism in prescriptive formulations. Using present-day examples, it is shown that, despite their seeming indisputability, these principles are not efficient enough as applied to foreign-language neology. Also discussed is the relationship between norms and codification in orthography as well as the issue of different approaches to spelling variability.

Keywords: loanword, language changes, orthography, norm, codification principles, variability.

A. Somin

ATTITUDES TO THE BELARUSIAN LANGUAGE THROUGH THE PRISM OF COMMENTS IN THE ONLINE MEDIA

The paper describes attitudes to the Belarusian language in modern Belarusian society examined through the prism of comments on news articles on the Web. Besides comments on the sociolinguistic news articles, comments on the articles that are neutral from the point of view of the content but are written in Belarusian are analyzed, where the language choice itself becomes a trigger for sociolinguistic discussions in the comments. Such an analysis allows for getting the information about attitudes to the language under bilingualism, which could previously be obtained only through polling. The paper shows that despite the criticism of the Belarusian language being absent from the media, the language conflict is twofold: the society expresses discontent with Belarusian as a whole as well as discontent with its certain aspects. In particular, people criticize both usage of Russian borrowings (real or supposed) and usage of made-up words that allegedly do not exist in Belarusian according to commentators.

Key words: Belarusian, attitudes to language, language conflict, linguistic purism, interference, borrowings.

Natalya V. Schennikova

RUSSIAN IDIOM OF THE ENGLISH LANGUAGE: PECULIARITIES INFINITIVE AND INFINITIVE CONSTRUCTIONS

The paper postulates the Russian idiom of the English language as a specific semiotic system characterized by mass spreading and the system of typical structural and functional regularities. The author specifically describes peculiarities of using infinitives and infinitive constructions in the English speech of Russian-speaking people. Some conclusions are drawn on regularities of non-native speech production and grammatical idioethnicity of non-authentic English speech determined by a pragmalinguistic transfer of syntactic means of thought verbalization.

Key words: infinitive, infinitive construction, Russian idiom of the English language, speech ethnospecificity, speech norms, speech patterns, grammatical idioethnicity, bilingual identity, pragmalinguistic transfer..

Anna E. Kirillova

PROBLEMS OF ACTUAL SYNTAX IN PRACTICE OF JAPANESE-RUSSIAN TRANSLATION OF FICTIONAL TEXTS

Major aim of the current research work is to find equivalents on topic-comment level for literary translation from Japanese to Russian.

Analysis is made, based on the existing translation of Yoshimoto Banana novel "Kitchen". In this research the equivalents for communication situations expressed by "no da" construction, ellipsis, ending particles "ne" and "yo", topic particle "wa" are studied.

Key words: topic-comment, translation equivalents, Japanese language, Russian language, literary translation.

G. Kreidlin, G. Shabat

THE SPACE IN NATURAL LANGUAGES AND IN THE LANGUAGES OF GEOMETRY

The objective of the paper written by the linguist and the mathematician is to consider the languages of geometry in their written form. It opens the series of works in which significant relations between languages of science and natural languages are discussed. The core of the present paper is formed by the concept of space and its language representation in both types of the sign systems. A special attention is paid to lexical units by means of which some basic space structures are described.

Key words: natural languages, languages of geometry, scientific picture of the world, language picture of the world, lexical units

Kira Sycheva

THE RESEARCHER AND THE INFORMANT: DIFFERENT MEETING (SPECIFIC FEATURES OF MODERN FIELD INTERVIEWS IN ALTAI)

The impact of globalization has led to the aggravation of national identity and ethnic consolidation problems for the Altai people. There appeared a necessity to rethink the traditional knowledge and to adapt the traditional outlook to the new environment. This paper based on a number of the few field recordings describes some peculiarities of interaction of folklorist and informants in Altai nowadays. In the new situation, the researcher becomes involuntarily included in the solution of problem of national identity. The informant acts as interpreter of traditional knowledge and is actively trying to influence the way of thinking of the researcher.

Key words: Altai tradition, national identity, field interview, the «us – them» border.

A. Reformatskij

ALEKSANDR SERGEEVITCH ORLOV

(Preface and preparation by Mariya Reformatskaya)

Aleksandr Reformatskij recalls his University teacher, Aleksandr Orlov, a well-known old-Russian literature researcher. The essay contains peculiar details of Moscow everyday life at the beginning of the

1920s. The author tries to reproduce the specific features of Orlov's colloquial speech.

Key words: Department of History and Philology at the Moscow University, discussions around the unification of the Russian orthography in the 1930s, Orlov's relation to Dmitrij Ushakov, Nikolaj Piksarov and Sergej Obnorskij.

S. Gindin

THE EVERYDAY LIFE OF LINGUISTIC MOSCOW IN THE EARLY 1920S AND THE ART OF SPEECH PORTRAIT IN THE MEMOIRS BY ALEKSANDR REFORMATSKIJ

An attempt to characterize how the essay by A. Reformatskij may help us to understand the growth of the first post-revolutionary generation of linguists in Moscow. The author also tries to show the meaning of this essay as a source for documentation of language behaviour - both of Orlov and Reformatskij.

Key words: philologic training of future linguists at the Moscow University in the 1920s, interdisciplinary ties in the development of Moscow linguistics in the 1920s, direct speech in memoir texts, Nikolaj Piksarov in the Soviet academic life.

I. Mel'čuk

TO THE DEAR MEMORY OF MUZA OBORINA

Recollections about Musa A. Oborina, an outstanding editor and publisher of foreign linguistic literature in the USSR. The author tells of her contribution to preparation of the Russian version of Max Vasmer's "Russische etymologisches Wörterbuch" and of her struggle for publishing of Roman Jakobson's linguistic works in Russian translation.

Key words: an ideal editor, Vladimir A. Zvegincev as a publisher of foreign linguistic literature in the USSR.

Сведения об авторах

Гиндин Сергей Иосифович – канд. филол. наук, профессор, зав. Каф. теоретической и прикладной лингвистики Ин-та лингвистики РГГУ, гл. редактор серии «Московский лингвистический журнал» журнала «Вестник РГГУ». E-mail: si_gindin@il.rggu.ru.

Кириллова Анна Евгеньевна – магистр востоковедения и африканистики, аспирант кафедры японской филологии Ин-та Стран Азии и Африки МГУ. E-mail: aniakirillova@gmail.com.

Крейдлиן Григорий Ефимович – доктор филол. наук, профессор Каф. русского языка Ин-та лингвистики РГГУ. E-mail: gekr@iitp.ru.

Ландер Юрий Александрович – канд. филол. наук, доцент НИУ ВШЭ, науч. сотрудник Ин-та востоковедения РАН. E-mail: yulander@yandex.ru.

Мельчук Игорь Александрович – канадский лингвист российского происхождения. Член Канадского Королевского общества и член-корреспондент Австрийской Академии Наук; доктор Honoris Causa Безансонского университета (Франция). E-mail: igor.melcuk@umontreal.ca.

Наний Людмила Олеговна – аспирант Факультета филологии НИУ ВШЭ. E-mail: naniilu@yandex.ru.

Нечаева Ия Вениаминовна – канд. филол. наук, ст. науч. сотрудник Ин-та русского языка им. В.В. Виноградова РАН. E-mail: inechaeva@mail.ru.

Сомин Антон Александрович – аспирант Учебно-научного центра лингвистической типологии Ин-та лингвистики РГГУ, науч. сотрудник Лаборатории социолингвистики ШАГИ РАНХиГС. E-mail: somin@tut.by.

Сычёва Кира Евгеньевна – аспирант Учебно-научный центр типологии и семиотики фольклора РГГУ. E-mail: jalokivi@yandex.ru.

Шабат Георгий Борисович – доктор физ.-мат. наук, профессор Каф. математики, логики и интеллектуальных систем Ин-та лингвистики, РГГУ. E-mail: shabat@mccme.ru.

Щенникова Наталья Владимировна – канд. филол. наук, доцент, зав. Каф. перевода и переводоведения Пензенского гос. ун-та. E-mail: schennikova@list.ru

General data about the authors

Sergej Gindin – Candidate of Philology, Professor of the Department of the Theoretical and Applied Linguistics of the Institute of Linguistics RSUH Executive Editor of the Linguistic Series “Moscow Journal of Linguistics” in “RGGU Bulletin”. E-mail: si_gindin@il.rggu.ru.

Anna Kirillova – master degree in Oriental and African studies, after-graduate student of department of Japanese Philology at Institute of Asian and African Studies at MSU. E-mail: aniakirillova@gmail.com.

Grigorij Kreidlin – Doctor hab. in Philology, Professor of the Russian Department of the Institute of Linguistics, RSUH. E-mail: gekr@iitp.ru.

Yury Lander – candidate of philology, Associate Professor in National Research University Higher School of Economics, Researcher in Institute of Oriental Studies RAS. E-mail: yulander@yandex.ru.

Igor Mel'cuk – a Canadian linguist of Russian extraction. He is a Fellow of the Canadian Royal Society and a Corresponding Member of the Austrian Academy of Sciences, as well as a Doctor Honoris Causa of Besancon University, France. E-mail: igor.melcuk@umontreal.ca.

Liudmila Nanii – postgraduate student of Faculty of Philology in National Research University Higher School of Economics. E-mail: naniilu@yandex.ru.

Iya Nechaeva – candidate of philology, Senior Researcher in V.V. Vinogradov Institute of Russian Language, RAS. E-mail: inechaeva@mail.ru.

Georgij Shabat – doctor of physical and mathematical sciences, professor of the Department of math, logic and intellectual systems of the Institute of linguistics, RSUH. E-mail: shabat@mccme.ru.

Natalya Schennikova – candidate of philology, associate professor, head of the Translation and translation theory department, Penza State University. E-mail: schennikova@list.ru.

Anton Somin – postgraduate student, Centre for linguistic typology of Institute of linguistics, RSUH, research fellow in Laboratory of sociolinguistics, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: somin@tut.by.

Kira Sycheva – postgraduate student of Centre for Typological and Semiotic Folklore Studies, RSUH. E-mail: jalokivi@yandex.ru.

Заведующая редакцией: *И.В. Лебедева*

Художник: *В.В. Сурков*

Художник номера: *В.Н. Хотеев*

Корректор: *Н.Г.Семенова*

Редактор: *С.И. Гиндин*

Компьютерная верстка: *Н.Г.Семенова*

Формат 60x90 ¹/₁₆

Усл. печ.л. 10,3 Уч.-изд. л. 10,8

Тираж 1050 экз. Заказ № 72

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993 Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru